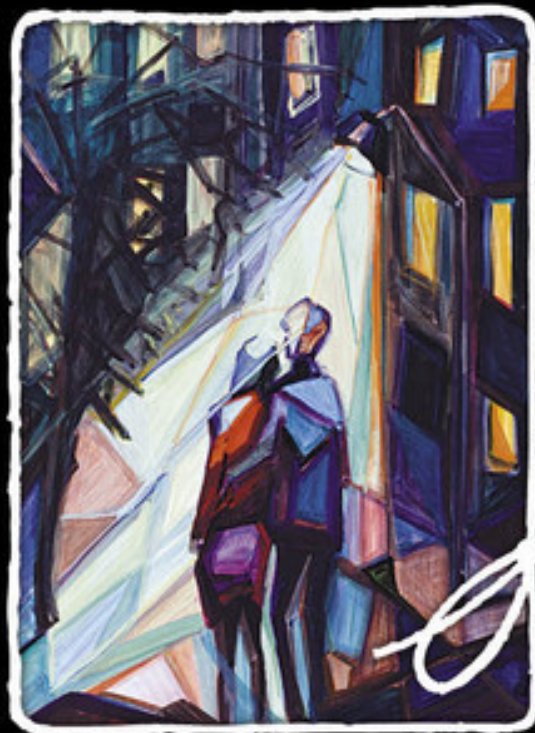

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евения
Горская

ДО ПОСЛЕДНЕГО
ВЗДОХА

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская
До последнего вздоха

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

До последнего вздоха / Е. Горская — «Эксмо», 2016 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-699-90064-0

Даша Игнатьева отчаянно скучала по уехавшему в командировку мужу, поэтому разрешила себе предаться вредной привычке и ночью вышла на балкон покурить. На улице она заметила странного человека, крутившегося возле машин, но не придавала этому значения. А рано утром во дворе прогремел взрыв... Погибла Ирина Сергеевна Снетко, руководившая отделом в том же научном институте, где работала Даша, и ее жених, глава процветающей компании. Но кто из них был главной мишенью убийцы? Теперь Даша поняла, что незнакомец возился возле машины совсем не случайно. И самое ужасное – он тоже заметил ее и теперь наверняка опасается, что она может его узнать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90064-0

© Горская Е., 2016
© Эксмо, 2016

Евгения Горская

До последнего вдоха

Есть особый род детективов, памятный и любимый мной с советских времен. Кто помнит – в силу возраста, – тот меня поймет, кто не помнит – заодно и узнает, ибо этот род чтения, на мой взгляд, один из самых увлекательных.

Это детективы «про ученых».

Не пугайтесь, это вовсе не означает, что книжка переполнена формулами или заунывными рассуждениями о месте науки в современном мире. Просто в главных ролях задействованы научные сотрудники, руководители лабораторий, благородные подвижники от науки, нахальные молодые гении, знающие о жизни все, проходимцы, мечтающие сделать себе имя за чужой счет...

Сдается мне, сегодня эта тема – науки, ученых, людей, которые работают головой, – вновь становится одной из самых интересных и – да простят меня читатели за банальность! – востребованной и популярной. Просто потому, что время пришло! Ей-богу, героями романов уж дальше просто не могут быть сплошь полицейские, бандиты с пистолетами-кастетам и разного рода жулики, от самых процветающих, прикупивших на краденое яхты и острова, до глубоко несчастных, падших, воруящих на базаре кошельки у зазевавшихся бабушек!..

Я глубоко убеждена, что «герой нашего времени», о поисках которого так много рассуждают в последние несколько лет, как раз и есть – ученый. Совершенно при этом неважно, в какой области он работает – в области высоких технологий, космических исследований, биологии или агрохимии. Каждая область важна и нужна людям, а мы, читатели, так давно не читали книг о людях, которые всерьез делают что-то важное и нужное, а не воруют, убивают и грабят с одной стороны, а с другой – гонятся, хватают и сажают за решетку.

Новая книга Евгении Горской «До последнего вдоха» продолжает традицию классического детектива: она легка, логична и умна. Написанный фирменным изящным слогом роман читается залпом, в одну ночь – как и положено всякому хорошему детективу.

Татьяна Устинова

Он все тщательно продумал, постарался учесть все возможные риски. Он был прагматиком, понимал, что надо не надеяться на успех, а обеспечить этот успех совершенством своего плана.

План он готовил долго, критически обдумывая каждую деталь. План получился отличным, человек был собой доволен.

И только потом, когда все уже случилось, некая надоедливая мысль не давала ему спокойно гордиться собой. Он не сразу осознал эту мысль и не сразу вспомнил, что видел в одном из темных окон дома красный сигаретный огонек.

Скорее всего, никакой опасности огонек не представлял, но чувство хорошо проделанной работы не наступало, вызывая раздражение и тревогу.

13 июля, понедельник

Ночь пахла липой. Лето выдалось холодным, липа цвела позже обычного.

Даша отодвинула створку окна лоджии, посмотрела вниз, на блестящий после небольшого дождя асфальт, и, чувствуя угрызения совести, что позволяет себе травиться, когда вокруг так восхитительно свежо, закурила.

Она впервые за три года замужней жизни осталась одна и никак не могла заснуть в пустой постели. Денис еще час назад прилетел в Мюнхен, где их фирма делала с немцами какую-то

оптику, и сразу послал ей эсэмэску, а она так и продолжала ворочаться с боку на бок. Вообще-то она клятвенно обещала мужу бросить дурную привычку, но сдержать обещание все никак не получалось.

Из-за темного облака высунулся тоненький серпик убывающей луны, желтые фонари внизу высвечивали на мокром асфальте зыбкие дрожащие дорожки. Темный силуэт неожиданно возник прямо под Дашей. Человек сделал несколько шагов, наклонился к большой темной машине, стоящей среди ряда других, распрямился, пошел дальше. Даша загасила сигарету, постояла несколько минут, с удовольствием вдыхая запах липы, тянувшей ветки прямо к ней, легла в постель и сразу заснула.

Взрыв под окнами раздался, когда она уселась с чашкой кофе.

Потом она отчетливо помнила чувство тупого недоумения и нереальности, которое накрыло ее тем страшным утром. Взрыв был несильный, разворотило только одну машину. О том, что при этом погибли Ирина Сергеевна и Вячеслав Аркадьевич, она узнала от столпившихся внизу соседей уже после приезда полиции и «Скорой».

Полицейские разговаривали со всеми, и с Дашей тоже, но ничего стоящего она рассказать не смогла, потому что человека, крутившегося ночью у машин, не разглядела, да и едва ли могла разглядеть при свете тусклых фонарей, да еще с высоты пятого этажа.

Нужно было позвонить на работу, но Даша, поднявшись в квартиру, почему-то не могла себя заставить, хотя погибшие вовсе не являлись ей близкими людьми.

Ирина Сергеевна жила в соседнем подъезде и была подругой Денискиной мамы, то есть Дашиной свекрови. Будущая свекровь незадолго до свадьбы через Ирину устроила Дашу в фирму, где они обе, и Даша, и Ирина Сергеевна, до сих пор работали. Работа Даше нравилась, и коллектив нравился, и она была искренне благодарна свекрови и Ирине.

Прогулы в фирме не приветствовались, Даша заставила себя взять в руки телефон, позвонила сначала начальнику, потом помощнице и подруге Свете Мансуровой.

– Ты где? – сразу заволновалась Света. – Максим тебя уже спрашивал.

– Я ему звонила, – вздохнула Даша. – Сейчас прямо под моими окнами Ирину взорвали. Ирину Снетко. И ее жениха.

– Что?! Как это взорвали? Насмерть?

– Насмерть. Взорвали машину, когда Ирина с женихом в нее садились. Они оба погибли, а больше никто. Еще соседние машины пострадали, но не сильно.

– А твоя?

– Нашу Денис, слава богу, с другой стороны дома оставил. – Радоваться целостности транспортного средства, когда погибли люди, было нехорошо, и Даша испытала угрызения совести.

– Поймали кто взорвал?

– Нет. Нас всех опрашивали.

– Не найдут, – уверенно сказала Света.

– Посмотрим. Слушай, я, кажется, его видела. Киллера. Вышла ночью покурить на балкон, а внизу мужик около машин ошивается. Правда, я его совсем не разглядела.

– А он тебя видел? – ахнула подруга.

– Не знаю. Не думаю. Света, я сегодня не приду. Если кто будет спрашивать, пусть домой звонят. Или на мобильный.

– Конечно. Не беспокойся. Выпей успокоительного, обязательно. Сейчас у тебя шок, а потом может быть нервный срыв, – запричитала Света. – Если у тебя успокоительного нет, я сейчас привезу.

– Да ну тебя, – остановила ее Даша. – Не будет у меня никакого срыва. Пока. До завтра.

Даша покрутила в руках телефон, вздохнула, позвонила свекрови и опять коротко рассказала о непридуманном утреннем кошмаре. Наталья Вениаминовна тихо заплакала, Даша ей посочувствовала.

С Ириной свекровь дружила с детства и очень радовалась, когда у подруги наконец начала складываться личная жизнь.

Ирине Сергеевне в личной жизни не везло. Когда-то ее бросил жених, она долго и тяжело страдала. Потом встречались мужчины, но все неудачно. Конечно, подробностей свекровь не рассказывала, да и вообще все это говорилось мимоходом. Впрочем, история Ирины Дашу занимала мало и была ей, в общем-то, неинтересна.

Знакомство Ирины с Вячеславом Аркадьевичем произошло случайно и прямо на Дашиных глазах. Они со Светой вышли с работы и прощались у поднятого шлагбаума, под которым со стоянки выезжала Ирина на своем «Пежо». Правда, тогда они не знали, что это машина Ирины Сергеевны, поняли потом, когда Ирина стукнула вбок откуда-то взявшийся большой джип.

Бледная Ирина вышла из машины, из джипа вылез высокий дядька с короткой стрижкой и седыми висками. Даша тогда до смерти перепугалась за Ирину Сергеевну, мужик казался законченным бандитом из девяностых, но вместо воплей и нецензурной брани произошел вполне мирный разговор.

Дядька пошутил, Ирина заулыбалась, Даша и Света попрощались и разошлись в разные стороны, поскольку ехать им нужно было в противоположных направлениях.

Потом секретарша директора рассказала Свете, что Ирина Снетко ударила машину какого-то родственника ее шефа, на свою беду, зачем-то заехавшего за шефом в тот вечер. Но у нее, то есть у секретаря, не только шеф замечательный, но и его родственники тоже, потому что обошлось все вполне мирно, Снетко угощали кофе с коньяком в кабинете директора, а потом родственник повез Ирину Сергеевну домой на своей, если честно, не слишком побитой машине.

Этот джип с уже выправленной дверью Даша потом много раз видела у своего дома. Как зовут Ирениного поклонника, сообщила свекровь, а еще подтвердила то, что Даша уже знала – поклонник является Дашиному директору родственником. Человек он одинокий и очень обеспеченный, очень Ирочку любит, и дай бог, чтобы у них все сложилось.

Одной в пустой квартире было непривычно и решительно нечего делать, Даша даже пожалела, что решила не ехать на работу. Попробовала читать новый детектив, который начала накануне, но сюжет не увлек, и она отложила планшет.

На липу за окном села серенькая птичка, покачалась на ветке, улетела. Как называется птичка, Даша не знала, посмотреть в интернете поленилась.

Давно пора было пообедать, но готовить для себя было лень, Даша выпила чаю с бутербродами, вымыла чашку и все-таки постаралась углубиться в детектив.

К Вячеславу Николай Телепин относился неплохо, при нечастых встречах с дядей жены охотно с ним беседовал, хотя вообще-то был не слишком разговорчивым и пустой родственной болтовни не любил. Вне встреч с родственником Николай о нем вообще не вспоминал, разве что когда жена напоминала, и уж совсем не мог подумать, что известие о смерти Вячеслава Аркадьевича выбьет его из колеи настолько, что он впадет в тупое оцепенение. Чем-то другим его теперешнее состояние назвать было трудно, поскольку он, положив телефон на стол, уже минут двадцать сидел, глядя на висящий напротив портрет президента, и тихо покачивался в удобном кресле.

В кабинет заглянула секретарь, напомнила про совещание, которое он собирался созвать в два часа.

– Я сейчас уеду, – хрипло проговорил Телепин. Говорить почему-то было трудно. – Извинись за меня перед всеми.

Секретарша исчезла. Он тяжело поднялся, постоял, глядя на стопку бумаг на столе. Стол он привык оставлять чистым, но сейчас только вздохнул и направился к двери. Остановился, выключил кондиционер, еще раз огляделся, вышел и запер дверь.

Садясь за руль, пожалел, что не вызвал такси. Хотелось отвалиться на спинку сиденья, закрыть глаза. А еще больше хотелось заснуть и проспать сутки или даже несколько суток.

Он так и не понял, кто сказал жене о смерти дяди. Викуша плакала, просила его немедленно приехать. Так бывало всегда, даже в самых ерундовых ситуациях. Впрочем, сейчас ситуация была не ерундовой.

Вячеслав был крупным бизнесменом. Не олигархом, но суммами оперировал такими, которые кажутся обычному человеку совершенно нереальными. Вообще-то ни Николай, ни Вика специально состоянием дяди не интересовались, просто иногда тот упоминал о сделках, иногда вел телефонные разговоры в присутствии племянницы и ее мужа. Так что представление о его материальном положении они имели.

Дома пахло валерьянкой или чем-то похожим. Вика лежала на диване, закрыв глаза. Николай подошел, погладил жену по плечу.

– Я тебя не разбудил?

– Ко-оля, ну как же это? – Вика открыла глаза, всхлипнула. – Славик был таким хорошим человеком. Господи, ну у кого рука поднялась?

Николай был твердо уверен, что хороший в христианском смысле слова человек никогда не нажил бы у нас такого состояния, но спорить с женой не решился. Он никогда с ней не спорил. Она была маленькой и глупенькой, и он старался об этом не забывать.

– Тебе нехорошо?

– Мне ужасно. Ужасно! Я пила корвалол, но он совсем не помогает. – Жена подвинулась, освобождая место рядом с собой, – садись.

– Что у тебя болит? – Он присел на краешек дивана, поцеловал ей пальцы.

– Мне плохо. Голова кружится. – Она повернулась на бок, положила голову ему на колени. – Коленька, мне так плохо...

– Ну, лежи. – Он погладил ее по волосам. – Ты обедала?

– Нет. – Она мелко потрясла головой. – Разве сейчас можно есть?

– Лежи. – Николай опять погладил жену, встал.

На кухонном столе осталась грязная посуда, он перенес ее в мойку, вытер тряпкой столешницу. Когда-то он предлагал купить посудомоечную машину, но у Викуши начинала болеть голова от одного упоминания, что придут чужие мужики, начнут сверлить, стучать.

Николай вымыл посуду, полез в холодильник, достал готовый замороженный суп из шампиньонов, Викуша его любила. Поместил контейнер в микроволновку, стал терпеливо ждать, когда полуфабрикат разогреется.

Зашелестел шелк халатика, жена появилась в дверях, укоризненно на него посмотрела, села в уголок.

– Ну зачем ты мыл посуду? Она завтра придет и вымоет.

«Она», то есть очередная женщина из фирмы, занимающейся уборкой квартир, приходила дважды в неделю. Грязь Николая раздражала, он несколько раз предлагал жене найти постоянную домработницу, но Викуша от таких предложений только расстраивалась. Она терпеть не может чужих людей в квартире, у нее сразу начинается болеть голова, она очень плохо спит по ночам, ей нужно обязательно отдыхать днем, и чужая тетка, конечно, будет ей мешать.

Николай лучше всех знал, что спит жена как сытый здоровый младенец, но упомянуть об этом означало смертельно обидеть Вику, и он не упоминал. Вика постоянно чувствовала себя больной, и он ее жалел. Жена была слабой, а слабых он никогда не обижал, даже в детстве.

– Кто тебе сказал, что Слава?.. – Николай разлил суп по тарелкам.

– Вадик. – Она попробовала суп, поморщилась – горячо. – Ему позвонили из полиции, он туда поехал.

Вадим был старшим Викушиным братом. Отцы у брата и сестры были разные, но ни один из них в жизни семьи большого участия не принимал, детей растил брат матери, дядя Вячеслав.

Тещу Николай ни разу не видел, она умерла от рака как раз перед тем, как он познакомился с Викой. Собственно, знакомство и произошло у могилы Викушиной матери. Николай ездил на кладбище к деду и бабушке, редко, но весной обязательно, платил знакомому парню, давно работающему на кладбище, чтобы тот следил за могилой.

В тот день он недолго постоял, глядя на овальные фотографии на памятнике, выкурил сигарету, воровато оглянувшись, бросил окурочек в поднимающуюся вдоль дорожки траву и тут заметил невдалеке девушку. Казалось, девушка сейчас упадет, она покачивалась и слабо хваталась рукой за ограду, и Николай не понимал, почему двое стоящих рядом с ней мужчин никак на это не реагируют.

К группке на безлюдном кладбище он пошел просто потому, что троица стояла на пути к выходу. Тогда он еще не знал, что Вика – его судьба и его счастье.

– Ну-ка прекрати, – прошипел девушке мужчина помоложе. – Хоть здесь представлений не устраивай!

Человек постарше пристально смотрел на темный камень памятника, не видя или стараясь не видеть ничего вокруг.

Девушка, не отпуская ограды, села на траву, замерла, держась руками за щеки. Тот, что помоложе, повернулся к ней спиной. Николай остановился на дорожке, шагнул в сторону, опять закурил, стараясь укрыться за кустами. Пожалуй, ему никогда в жизни не было никого так жаль, как эту незнакомую девушку.

Старший отвернулся от могилы, посмотрел сверху вниз на девушку, протянул ей руку. Девушка покачала головой, мужчина пожал плечами и, не оглядываясь, зашагал к выходу. Второй в несколько шагов его догнал, даже не взглянув на сидящую на земле спутницу.

Николай тогда смотрел на девушку и не уходил.

На счастье и на горе.

– Коля, что теперь будет? – с мольбой посмотрела на мужа Вика.

– Викуша, расскажи, что тебе сказал Вадик.

– Да ничего он мне не сказал! Ему позвонили из полиции, сообщили, что машину Славы взорвали, что он погиб. Что ты трешь виски? – Николай не заметил, что держит руки у лба.

– Ничего. – Он взял ложку, попробовал суп.

– У тебя болит голова?

Испуг в голосе жены нарастал, Николай заставил себя ободряюще улыбнуться.

– Ничего у меня не болит.

– Нужно немедленно померить давление.

Вика вскочила, побежала за тонометром.

– Викуша, перестань, – попробовал он ее остановить. – Я не старый дед.

– Как будто ты не знаешь, как много народу умирает молодыми! – Она вернулась с тонометром, принялась пристраивать у него на руке манжету, он терпеливо ждал. – Ну вот, так и есть. Давление у тебя повышенное. Я сейчас позвоню кардиологу.

– Нет, – отрезал Николай и виновато улыбнулся. Он всегда чувствовал себя виноватым, отказывая жене даже в малости. – Никуда звонить не надо.

Заниматься сейчас собственным давлением, едва превышающим норму, казалось чем-то совершенно кощунственным. Ведь только что не стало Вячеслава.

– Ты ходишь по жаре, и тебе напекло голову.

– Викуша, вероятность скончаться в нашем климате от солнечного удара равна нулю.

Ему было необходимо узнать, что же произошло с Вячеславом, но он понимал, что Вика не даст ему этого сделать. Она будет цепляться за мелочи и не позволит говорить о серьезном. Говорить о серьезном ей было страшно.

– Ты что! У меня подруга упала в обморок, потому что целый день ходила по солнцепеку.

– Я не хожу целый день по солнцепеку, – успокоил он.

Позвонить Вадиму хотелось нестерпимо, но он понимал, что придется дожидаться ночи. Пока Вика не уснет, об этом нечего и мечтать.

В морге было холодно. Хотелось обнять себя руками, но Вадим сдержался, жест выглядел бы бабьим, недостойным.

Лицо под откинутым уголком простыни было совсем не тронут взрывом.

– Это он, – хрипло подтвердил Вадим. – Левицкий Вячеслав Аркадьевич.

Потом он еще отвечал на какие-то вопросы, что-то подписывал, не читая, вопреки постоянным Славиным напоминаниям, что делать этого нельзя ни при каких обстоятельствах. Впрочем, Вадим и раньше редко следовал Славиным указаниям.

Казалось, что рядом с парнями из полиции он провел уйму времени, но на самом деле солнце стояло еще высоко, прохожие старались перемещаться в тени домов или деревьев, и веселый летний уличный гомон был в самом разгаре.

Ресторан он заметил случайно, постоял, разглядывая вывеску, решил и зашел внутрь. Есть не хотелось совершенно, не хотелось и пить, но он заказал сто граммов водки и салатик на закуску.

Водка не обожгла и не затупила мозги. Впрочем, он и без того был отупевшим, с самого утра. С того самого мгновения, когда узнал, что Славы больше нет.

Даже смерть матери не ударила по нему таким оглушающим шоком, как сегодняшнее известие. Правда, конца матери ожидали, и, как ни жестоко это звучит, ее смерть была избавлением для всех, и в первую очередь для самой умирающей.

Некстати вспомнилось, как Вика на похоронах заламывала руки, и выглядело это кошунством, потому что и Слава, и сам Вадим прекрасно знали, что в больнице Вика почти не бывала, а появившись, предпочитала через пару минут смыться.

Звонить сестре и выслушивать ее причитания было противно, и он не стал. Она была не способна любить кого-то, кроме себя, а сейчас Вадиму хотелось говорить только с теми, кто если и не любил Славу, то хотя бы уважал.

Он вылил в рюмку остатки водки, выпил одним глотком, отодвинул почти нетронутый салат, достал из кармана джинсов телефон. Пропущенных звонков оказалось много, он отключил звук вызова еще утром, когда пытался позвонить Славе, а ответил ему незнакомый голос. Как ни странно, Славин телефон при взрыве не пострадал.

На звонок из Вены следовало ответить. Его приглашали прочитать курс лекций, а он еще не сказал ни «да», ни «нет». Читать лекции Вадиму было лень, но платили за это неплохо, и он готов был согласиться.

Еще утром он считал, что нуждается в деньгах. Сейчас он стал богатым человеком.

Вместо Вены позвонил Владимиру Осокину, Славиному компаньону и помощнику. Ожидая соединения, подумал, что, пожалуй, ближе Володи у него сейчас никого нет. Вика не считается, Николай тоже. Вообще-то Николай Вадиму нравился, и он искренне не понимал, как тот выдерживает его сестру.

Осокин ответил сразу и, не здороваясь, глухо сказал:

– Приезжай. Приезжай в офис, Вадик.

– Ты знаешь? – не удержался Вадим. Можно было и не спрашивать, ясно, что Володя уже все знает.

– Знаю. Полиция только что уехала. Приезжай.

– Как ты думаешь?..

– Приезжай! – в который раз повторил Осокин.

Вадим послушал короткие гудки, сунул телефон обратно в карман. По совету полицейских, которые по радио учили несознательное население способам обезопасить свое имущество, делать этого было категорически нельзя. То, что лежит в заднем кармане брюк, говорили знающие люди, самая легкая добыча для воришек. Вадиму везло, у него ни разу ничего не украли.

Радио Вадим любил слушать в машине. Иногда включал и когда работал, но, работая, он переставал воспринимать все, что не относилось к работе, и тогда даже самые умные рассуждения его не занимали, он их просто не слышал.

Лезть в метро не хотелось, Вадим снова достал телефон, вызвал такси. До офиса – небольшого помещения в полуподвале старого сталинского дома – доехали быстро. Летом пробок почти не бывает.

Офис Слава снимал давно, с незапамятных времен. Менялись фирмы, которые приобретал дядя, а офис был все там же, в тихом переулке. Вадим помнил его с детства, мать брала его с собой, когда ехала к брату выпрашивать деньги. Впрочем, такое случалось нечасто, Слава следил, чтобы деньги у сестры не кончались.

Дверь, обычно запертая на кодовый замок, оказалась открытой. Вадим вошел в душный коридор, толкнул дверь Славиного кабинета, окунулся в прохладный воздух работающего кондиционера.

– Заходи. – Осокин, сидя за дядиным столом, кивнул ему на стул рядом.

– Ты знаешь, кто его?.. – Видеть Осокина на Славином месте было неприятно.

– Не дури, – поморщился компаньон. – Сейчас не девяностые.

– Кончай! – устало отмахнулся Вадим. – Мне-то не рассказывай, что у него врагов не было.

– Враги есть у всех, – кивнул Осокин. – Если подумать, то и у тебя. Но бизнес у нас никто отнять не пытался и не пытается, это я тебе точно говорю.

– И у тебя никаких предположений?

– Никаких. Правда. У нас не настолько крупный бизнес, чтобы заинтересовать власть имущих. И не настолько мелкий, чтобы всякая шушера полезла. Я не знаю, кому выгодна его смерть.

– Она выгодна нам, – усмехнулся Вадим. – Мне и Вике. Но я его не убивал, и Вика тоже. У нее мозгов не хватит.

За окном послышался шум остановившейся машины и почти сразу стук дверцы, неясные голоса.

– Я не знаю, кто его убил, Вадик, – помолчав, признался Осокин. – Не знаю.

– Зачем ты меня звал? – Вадим встал, привалился боком к итальянскому книжному шкафу. Итальянские шкафы Слава приобрел пару лет назад, до этого мебель в офисе была дешевой, Вадиму даже казалось, что дяде нравится шокировать посетителей.

– Полиция тут немного поискала. Поговорили со всеми, компьютер Славкин забрали. Сейф заставили открыть, но там почти ничего не было. Тыщ сто деревянными, они их не тронули. Квартиру его обыскивали?

– Не знаю. Со мной разговоров на эту тему не было.

– Поезжай туда. Если есть следы к убийце, их надо искать не здесь.

– У меня нет ключей.

– Держи. – Осокин отъехал от стола вместе с креслом, выдвинул ящик, бросил на стол связку ключей. – Славка здесь запасные держал.

Вадим поднял скрепленные простым металлическим кольцом ключи, подбросил на руке.

– Володя, – наклонился к Осокину, – не сиди на его месте. Пожалуйста.

На улице уже не было жарко. Приятный ветерок трепал волосы проходившей мимо девушки, она откидывала их руками.

Пересилив себя, Вадим достал телефон, позвонил Вике.

Подошел к краю тротуара, поднял руку и через минуту ехал по направлению к Славинному дому. Девушка с непокорными волосами стояла на троллейбусной остановке, он зачем-то проводил ее взглядом, выворачивая шею.

14 июля, вторник

Он понимал, что совершает ошибку, но мысль о сигаретном огоньке в темном окне не давала покоя, и он не выдержал, поехал к дому, где накануне заложил взрывное устройство. Приблизиться к ряду припаркованных машин поостерегся, постоял на углу дома, из-за кустов боярышника оглядывая окна и подъезды.

Место взрыва не было огорожено, но выделялось поврежденным асфальтом. Заряд он рассчитал правильно, никаких лишних разрушений не возникло.

Сзади раздался шум, проехала белая машина, из открытого окна донеслась негромкая музыка. Он шагнул глубже в кусты. Едва ли его заметили из проезжающей машины.

Он опять оглядел темные окна дома, сосредоточился, вспоминая, как шел вчера, рассматривая номера машин. Дом он обвел глазами, когда заметил нужный БМВ. Он тогда еще заставил себя постоять, не подходить к машине сразу. Огонек мелькнул между листьями растущего поблизости дерева, отчетливо вспомнил он. Поэтому он и не почувствовал тревоги, сверху, где курили, разглядеть его было практически невозможно.

Его могли разглядеть, когда он двигался вдоль ряда машин.

Он глубоко вздохнул, прикрыл глаза, заставил себя мысленно повторить вчерашний путь.

Через несколько минут он был уверен: курили на балконе третьего этажа, прямо над растущим внизу деревом.

Куращий наверху не опасен, успокоил он себя. Опознать незнакомого человека, увидев его только однажды, ночью, совершенно невозможно. С такого расстояния и днем непросто кого-то разглядеть.

Опять послышался шум машины, на этот раз проезжающий автомобиль был темным.

Ночь выдалась прохладной, в одной футболке стало холодно. Он выждал еще пару минут и не торопясь пошел к оставленной у соседнего дома машине.

Даша проснулась до будильника. Полежала, слушая негромкий птичий гомон за окном, и неохотно поднялась. Без Дениса было грустно и скучно, она быстро выпила кофе, влезла в джинсы, сколола на затылке волосы и оказалась на работе первой из лаборатории, даже раньше Светы Мансуровой. Света ездила из Подмосковья и предпочитала добираться пораньше, пока в электричках не так много народу.

Подруга примчалась через полчаса. Попыталась отпереть дверь ключом, не сразу поняла, что кто-то ее опередил, зашуршала кодовым замком. Лаборатория запиралась на кодовый и обычный замки, и у всех сотрудников были ключи.

– Ты не спала! – ахнула Света, увидев Дашу за рабочим столом. – Я тебе говорила, что нужно принять успокоительное!

– Некролог видела? – не слушая глупостей, спросила Даша.

Внизу, в холле, висела большая фотография Ирины Сергеевны Снетко, замечательного специалиста, работающего в фирме со дня ее основания. Под фотографией в вазе стояли гвоздики, все это выглядело казенно, и Даше стало обидно за веселую остроумную Ирину.

– Видела, – кивнула Света. – Фотка хорошая, да? Ирина красивая такая получилась.

– Да, – подтвердила Даша. – Красивая.

– Вот ведь не повезло! – Света бросила сумку около своего компьютера, привалилась к Дашиному столу. – Ну ладно, друга ее убили. А ее-то зачем?

– Не повезло. Да уж. Слушай, а откуда все узнали, что ее убили? – Даша отъехала от компьютера, посмотрела на подругу снизу вверх.

– Понятия не имею. От ментов, наверное. Когда я Максиму сказала, что ты не придешь, он про Ирину уже знал. Моя бабушка всегда говорила, что плохие вести доходят быстро. – Подруга задумалась, вздохнула. – Ты правда киллера видела?

– Не уверена. Но даже если и видела, никогда его не узнаю. Ночью и знакомого-то не узнаешь.

– Мужчина?

– Я даже в этом не уверена, – призналась Даша. – Он был в брюках, это точно.

Договорить им не дали. Пришел начальник Максим, Даша принялась показывать ему результаты своих опытов, и день закрутился привычной суетой.

Перед самым обедом позвонила свекровь:

– От Дениски ничего нет?

– Я утром с ним по скайпу разговаривала, – отчиталась Даша. – У него все нормально.

– Никак не могу поверить, что нет Ирочки, – помолчав, вздохнула Наталья Вениаминовна. – Мы ведь с ней еще в детский сад ходили.

– Наталья Вениаминовна, а у нее родственники есть? – неожиданно спросила Даша.

– Тетя и двоюродная сестра, – сразу ответила свекровь. – Я у ее тетки вчера была, она в себя прийти не может. Я даже хотела с ней ночевать. Старый человек, страшно одну оставлять.

– А ее дочь?

– В Германии. Замужем за немцем, давно уже. Должна приехать на похороны. Вообще-то сестры, Ирина мама и тетя, особо дружны не были. Ну и Ира с Ксенией, с двоюродной сестрой, тоже. Встречались пару раз в год на днях рождения. Знаешь, – грустно сказала свекровь, – Ира была на редкость хорошим человеком, и ужасно несправедливо, что ее смерть ни для кого не явилась настоящим горем. Тетка попереживает и успокоится, сестра тоже. Я тоже попереживаю и успокоюсь. Еще несколько наших подруг посокрушаются. И все.

– Ну а что же хорошего, если один человек умирает, а другой потом всю жизнь страдает? – не согласилась Даша. – Это еще хуже.

Она не успела положить трубку, как прибежала Света. Глаза у подруги горели, так бывало всегда, когда Света узнавала что-то интересное.

– Ты представляешь, кому дают должность Снетко? – пританцовывая от возбуждения, спросила подруга.

– Подожди, – опешила Даша. – Как дают? Она только вчера умерла.

– Ну и что? Должность же освободилась. Ты лучше подумай, кто получит должность.

– Кто?

– Ты сядь, – посоветовала подруга. – А то упадешь.

– Не упаду.

– Сафонова!

– Кто?! – не поверила Даша.

Катя Сафонова работала чуть больше года и была моложе Даши на год. Она была родственницей какого-то большого начальника, курировавшего фирму, о чем заявила сразу. Впрочем, это и без ее заявлений все знали. На своих начальников Сафонова смотрела пустыми глазами, прочих сотрудников совсем не замечала, и несчастные начальники старались от нее побыстрее избавиться. Потом как-то так получилось, что Сафонова стала кем-то вроде секретаря при заместителе директора Дерябко. Эта работа, похоже, Катю устраивала. Она давала указания от имени зама Дерябко и строго следила за их выполнением. Заму Дерябко было

хорошо за сорок, он производил впечатление человека неглупого и компетентного, и Катю Сафонову считали чем-то вроде его чудачества. В конце концов, все имеют право на своих тараканов.

Когда Максим отсутствовал, к Дерябко, который курировал их тематику, вызывали Дашу, и она уже привыкла видеть в кабинете начальства Катю.

– Угу. Ничего себе, да?

– Свет, я не верю. Это уже что-то запредельное. Директор не подпишет.

– Еще как подпишет! Станет он с вышестоящим начальством ссориться! – Подруга задумалась и предположила: – Может, у них с Дерябко любовь?

– Это вряд ли, – не согласилась Даша. – На кой черт он ей нужен? Правда, меня давно поражало: как ни зайдешь к Дерябко, она всегда там.

– Это всех поражало.

– Слава богу, это проблемы его жены, не наши, – резюмировала Даша.

Все-таки известие о возможном назначении Сафоновой сильно подпортило настроение. Это отдавало каким-то фарсом, издевательством. Даша не выдержала, отправилась в закуток к Максиму. Угол, отделенный от лаборатории шкафами, служил начальнику кабинетом.

– Ты слышал, что Сафоновой дают отдел Снетко? – нависла над Максимом Даша.

– Слышал, – хмуро подтвердил он, оторвавшись от компьютера.

– Неужели это может быть? – жалко пролепетала Даша.

– А почему нет? – усмехнулся Максим. – Если можно поставить девку распорядиться имуществом военного ведомства, почему у нас нельзя?

– До чего же противно!

– Противно, – подтвердил он.

– Но директор же должен понимать, что это бьет по его репутации! Катюшка – дура, с нее взять нечего, а он что, головой совсем не думает?

Максим не ответил, повернулся к компьютеру, Даша медленно пошла к своему рабочему месту.

Ночевать в Славиной квартире было непривычно и отчего-то неприятно, как будто Вадим залез сюда тайком от хозяина. Впрочем, в какой-то степени так оно и было. Племянников Слава приглашал нечасто, как правило, только на свой день рождения. В остальное время предпочитал встречаться с ними в офисе или в ресторанах. В день рождения Вадима приезжал к Вадиму, в день рождения Вики – к Вике.

Вчера Вадим едва успел доехать до Славиной квартиры, как позвонили из полиции. Мужской голос представился, но Вадим тут же забыл, как зовут собеседника. Человек из полиции хотел осмотреть Славиной квартиру и известие, что Вадим уже там, его порадовало: не будет проблем с опирированием двери.

Квартира была небольшой и беспорядочно, не по-женски, мебелированной. Вадим долго перебирал книги, бессистемно стоящие на полках. Вертел в руках фигурки кошек, которые дядя не то чтобы коллекционировал, просто покупал при случае.

Люди из полиции все не ехали, Вадим устал болтаться по квартире, сел пить чай, а потом почти не удивился, когда опять раздался звонок и тот же голос, извинившись, сообщил, что приедут они завтра. Вадиму было все равно, завтра так завтра.

Домой он не поехал, остался ночевать здесь. Единственное, что сделал вечером, это сбросил все содержимое Славиного домашнего ноутбука на флешку. Флешки валялись в ящике стола, он взял первую попавшуюся, она оказалась пустой. Потом подумал и сунул в рюкзак сам ноутбук.

Поздно вечером позвонил Николай, Вадим рассказал ему все, что знал. Лучше бы не рассказывал, потому что утром разбудила сестрица.

– Вадик, почему ты не сказал мне, что поехал к Славе домой? – со слезами в голосе спросила Вика.

Он промолчал, ему меньше всего хотелось сейчас с ней разговаривать.

– Почему ты мне не сказал? – Голос дрожал, вот-вот должны были послышаться рыдания.

– Вика, сюда должны приехать менты. Должны были приехать вчера, но не успели и приедут сегодня. Ты желаешь с ними поговорить?

– Конечно, – удивилась сестра. – Я должна с ними поговорить. Мы должны сделать все, чтобы найти убийцу Славы.

– Ты знаешь, кто его убил? – Зря он это спросил. Сто раз обещал себе ни в какие пререкания с ней не вступать, но не получалось.

– Я знаю, что его убили из-за этой сучки.

Под сучкой она, видимо, подразумевала Ирину. Большой чуши придумать было нельзя, но на этот раз Вадим сдержался.

– Приезжай, если делать нечего, – устало согласился он.

Она примчалась быстрее, чем он предполагал. Не иначе как звонила ему уже полностью одетая.

– У тебя были ключи от квартиры? – взволнованно спросила, едва он успел отпереть дверь.

Следовало ее позлить, сказать, что, конечно же, были, но шутить не хотелось.

– Осокин дал. – Вадим вернулся в комнату, сел на диван.

Вика замешкалась, разглядывала что-то в прихожей.

– Слава повесил две твои картины, – обиженно заметила сестра и нашла в себе силы признать: – Ты хороший художник.

– Спасибо, – кивнул он.

Будь Слава жив, ему немедленно пришлось бы повесить и Викину картину, хотя бы одну. Сестра отличалась поразительной завистливостью и поразительным же умением добиваться своего.

Наконец Вика вспомнила, что хозяина квартиры больше нет, приняла скорбный вид. Если бы была лучшей актрисой, наверное, заплакала бы.

– Вадик, мы остались с тобой вдвоем.

– У тебя есть муж, – напомнил Вадим.

– И все из-за этой стервы!

– Вика, прекрати! – поморщился он.

При Славе ругать Иру сестра не решалась. При Славе она с большим сочувствием интересовалась Ирениным здоровьем и Ирениными делами. И то, что сейчас она поносила женщину, которую Славка любил, причем в его же доме, было отвратительно.

Разговаривать с сестрой не было никаких сил, но ему повезло, наконец-то приехали полицейские. Без повышенного интереса обошли квартиру, поинтересовались, не заметили ли племянники чего-то необычного, отказались от предложенного чая и отбыли.

У Вики хватило ума не приставать к ним с версией, что в Славиной смерти каким-то боком может быть виновата Ирина, и даже хватило актерского мастерства вполне натурально изобразить большую скорбь.

– Квартиру нужно продать, – запирая за полицейскими дверь, сказала она. – Во всяком случае, оценить. Сейчас спрос на квартиры упал, ты знаешь?

– Не знаю. – Вадим отвернулся от нее, приблизился к окну.

Шел дождь. Отвратительное лето стоит в этом году.

– Спрос на квартиры упал, – подтвердила Вика. – Насчет продажи нужно подумать, не отдавать же за бесценок.

– Вика, мы еще не вступили в права наследства, – напомнил он. – И я совсем не уверен, что Слава не оставил завещания. Бизнесмены серьезно относятся к таким вещам.

– Завещание? – заволновалась она. – А кому он мог все завещать?

– Не знаю.

– Нет, правда. Кому?

– Да не знаю я! Я сказал просто так. Вступим в права наследства, будем решать, как поступить с квартирой. Квартира – не самое ценное, что у него есть. Он не старичок-пенсионер.

– Ты заберешь ключи? – подумав, сестра переключилась на другое.

– Да, – твердо сказал он.

– У меня тоже должны быть ключи!

– Поищи в тумбочке в прихожей, – подсказал он. – Я как-то видел там запасной комплект. Запасные ключи нашлись. Вика повертела их в руках.

– Ты сейчас куда? В студию?

– Домой, – соврал Вадим. В студию она могла за ним увязаться. – Я почти не спал. Поеду домой спать.

– Мне нужно к врачу. – Вика нахмурила лоб, вздохнула. – Я уже опаздываю.

Она ждала, что он спросит, по какому случаю ей понадобился врач, но он не спросил. Ему давно обрыдла ее постоянная забота о собственном здоровье.

– У меня родинка на спине. Это меня пугает. Родинки – это очень опасно.

Она опять нахмурилась, и он всерьез испугался, что сестра сейчас начнет показывать ему родинку.

Вика потопталась и наконец-то захлопнула за собой дверь.

Дождь почти перестал. Сверху он видел, как Вика протянула ладошку, пробуя падающие капли, постояла и быстро направилась к припаркованной почти у подъезда машине.

Удивительно, сестра одевалась модно и дорого, а выглядела почему-то несовременно. Может быть, потому что выбрала для себя стиль женщины постарше, за тридцать. А может быть, потому что скалывала волосы в простой пучок и очень умело наносила естественный макияж, не стараясь сделать глазки побольше, а ротик поменьше, как малышки в книжке про Незнайку.

Вика производила впечатление скромной беззащитной девушки, миловидной и умной.

Он не завидовал тем, кто становился у нее на пути.

Сестра открыла дверь машины, уехала. Вадим оторвался от окна, прошел на кухню, вымыл чашки, свою и Викину.

Он должен узнать, кто убил Славу. Он обязательно это узнает.

Вскоре после обеда заглянул Максим.

– Я сейчас уеду, – хмуро доложил Даше. – И не вернусь.

– Что сказать, если кто спросит? – удивилась Даша. Максим редко уходил с работы раньше позднего вечера.

– Так и скажи, уехал и не вернусь.

Даша только теперь заметила, что Максим сегодня выглядит плохо, старше своих лет. Уставший, серый, таким она, пожалуй, его еще не видела.

– Ты не заболел?

– Нет.

Он захлопнул за собой дверь. Даша опять уставилась в экран компьютера.

Прибежала Света, рассказала, что Ленка из соседнего отдела собирается замуж. Вчера заявление подали. Света жениха видела, он ниже невесты на полголовы. Кошмар!

Подруга посмотрела на часы, побросала в сумку телефон и косметичку, заспешила на свою электричку.

Даше спешить было некуда и не к кому, и она проработала до вечера. К дому подходила, когда уже начало смеркаться.

– Даш, привет! – окликнул ее соседский мальчишка Гоша.

Гоше было лет тринадцать, и к Даше он непонятно почему испытывал большую симпатию. Вообще-то она не обладала способностью легко знакомиться и сходитьсь с людьми, просто в их с Денисом квартире раньше жили родители Дениса, а свекровь как раз таким даром обладала, и Даше соседские знакомства достались по наследству.

– Привет, – остановилась она.

– Слышала про взрыв? – подкатил на самокате Гоша.

– И слышала, и видела, – кивнула Даша.

– Прямо сам взрыв видела? – опешил сосед.

– Последствия, – вздохнула она.

– Последствия все видели. Слушай, – Гоша огляделся и заговорил почти ей в ухо: – Я его видел.

– Кого его?

– Убийцу.

– Ты видел, как он взрывчатку подкладывал? – насторожилась Даша.

– Нет, – с сожалением вздохнул сосед. – Я видел, как он шел.

– Так по улице много народу ходит.

– Я его видел, точно! Я стоял в кустах, – Гоша кивнул на сирень возле своего подъезда. –

А он через улицу шел.

– Ну и что?

Гоша тяжело вздохнул.

– Слушай, – медленно заговорил он. Наверное, чтобы Даша отнеслась к его словам повнимательнее. – Киллер мог подложить взрывчатку только до двух ночи. Потому что потом на улице ремонтники работали, трубу чинили.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – строго сказал подросток, но потом смилостивился, объяснил: – Мама с нашим участковым разговаривала. Короче, сначала ремонтники работали, а потом парочка из третьего подъезда на лавке сидела. То есть девушка из третьего подъезда, а мужик – не знаю откуда. Ну а потом дворники вышли. В общем, я стоял в кустах. В начале второго...

– Ты курил! – догадалась Даша и осуждающе покачала головой.

– Не успел, – засмеялся сосед. – Я тихонько вышел, когда предки заснули, достал сигарету, а тут бабка Митрофанова явилась. Я при ней курить побоялся, точно предкам донесет. Ждал, ждал, а она все не уходит. Потом мужик этот прошел. Потом назад прошел. Потом мне ждать надоело, и я домой вернулся.

– Он шел в ту сторону? – Даша показала в сторону своего балкона.

– Угу.

– Минут в двадцать второго?

– Точно. А ты откуда знаешь?

– Я тоже его видела, – призналась Даша. – Только не разглядела совсем.

– И я не разглядел, – вздохнул подросток. – Я же у своего подъезда стоял, а он улицу наискось переходил. Прямо на Митрофанову шел, вот она точно должна была его видеть. Прямо около их подъезда фонарь, видишь? Только она, наверное, не видела ничего со своими кошками...

Старушка Митрофанова была кем-то вроде местной юродивой. Бабка производила впечатление нищенки, ходила сгорбившись, дружбы ни с кем из соседей не водила, а при встрече мелко и долго кланялась и подобострастно улыбалась. При этом, как Даша знала от свекрови,

была владелицей огромной, по меркам соседей, четырехкомнатной квартиры и ни одну из комнат никогда не сдавала, даже в самые трудные времена.

Больше же всего бабуля отличалась привязанностью к кошкам. Слава богу, на радость всему дому, в квартире она их не держала, а выходила по ночам кормить. Выносила десяток бумажных тарелочек, выкладывала на них мясной фарш или рыбу, терпеливо ждала, когда насытятся ее подопечные, сбегаящиеся на дармовую кормежку со всей округи. Столько кошек одновременно Даша раньше никогда не видела и даже не предполагала, что такое может быть в городе. Впрочем, от увлечения старушки всем была только польза – крыс в доме давно не водилось.

– Ты вот что, – вздохнула Даша, – завязывай с курением. Начать легко, потом бросить трудно, по себе знаю.

Она прочитала краткую лекцию о вреде пагубной привычки, сосед весело улыбался.

– Ладно, пока, – наконец иссякла Даша.

– Пока, – кивнул парень и умчался на своем самокате.

Воздух пах липой, не хотелось уходить с улицы. Даша медленно двинулась к своему подъезду.

Получалось, что человек, если они с Гошей видели одного и того же человека, вышел прямо к подъезду Митрофановой, миновал Дашин подъезд и свернул за угол. Потому что квартира у Даши торцовая, и балкон располагается в торце дома. Со стороны улицы человек машины не разглядывал, Гоша это обязательно заметил бы. Знал, где искать машину? Получалось, что так.

Вызвав лифт, Даша поднялась на пол-этажа, сунула руку в почтовый ящик, выбросила в стоящую рядом коробку накиданную в него рекламу.

Откуда человек мог знать, где Иринин друг обычно оставляет машину? Следил за ним? Если так, то он должен был появляться здесь раньше, и кто-нибудь точно его видел. Правда, это мало что давало, по улицам ходят миллионы людей.

Шел человек, скорее всего, от метро. Дорога от метро дворами выводит как раз к тому месту, где человек, по словам Гоши, переходил улицу. Дворами ходят в основном местные. Чужие про короткую дорогу не знают. Человек часто здесь бывает?

Телефонный звонок Даша услышала, отпирая дверь. Путаюсь в лежащих в сумке мелочах, достала телефон.

– Ты почему не отвечаешь? – сердито спросил Денис. – Весь вечер не могу до тебя достучаться.

– Я только что вошла, – призналась она, запирая за собой дверь. – Задержалась на работе.

– Что? – ахнул муж. – Какого... Какого черта ты болтаешься по ночам?!

– Еще не ночь, еще только вечер, – поправила его Даша, улыбнулась и пообещала: – Я больше не буду.

– Даш, – помолчав, попросил он, – не трепли мне нервы, я же работать не смогу.

– Не буду, – улыбнулась Даша, чувствуя себя самой счастливой на свете. – Завтра уйду, как всегда, в шесть.

Потом они еще поговорили ни о чем, и Даша поставила телефон на подзарядку.

Противно и тревожно загудела чья-то сигнализация под окном, через пару секунд умолкла.

Даша подошла к окну. На темном небе над крышами виднелись редкие звезды. Соседка Митрофанова наверняка вышла кормить своих кошек, но ее из Дашиного окна не было видно.

Возможность получить госзаказ Телепин оценивал как весьма реальную, поэтому полдня провел, слоняясь по нужным кабинетам, а едва приехав в собственный кабинет, собрал ведущих разработчиков и мучил их, влезая в самые мелкие подробности работы.

К сожалению, почему-то отсутствовал Максим Садовников, на котором, по мнению Телепина, держался основной фронт работ. Вместо Садовникова обычно приходила девочка, фамилию которой Телепин не помнил. Впрочем, такое случалось редко, только если Садовников болел или был в отпуске, а болел Максим нечасто, разве что в эпидемию гриппа день-два сидел дома с температурой.

Сегодня не было ни Садовникова, ни девочки, вместо них пытался отчитываться Дерябко, но получалось это плохо, общие слова Телепину были не нужны, а подробностей работы зам знал меньше его самого.

– Николай Александрович, – проговорил Дерябко, когда совещание закончилось. – Удели пару минут. Дело у меня к тебе.

Телепин до смерти устал, он не успел пообедать и даже выпить чаю. К тому же наверняка уже не раз звонила Вика, а он даже не поинтересовался, что сказал врач, к которому она должна была сегодня пойти.

Разумеется, ни в какие серьезные Вицины болезни он не верил, но жена так искренне пугалась, что он опасался, как бы она действительно не заболела от переживаний.

– Конечно, Иван Степанович, – кивнул Телепин. – Садитесь.

Дерябко пересел поближе, проводил последних участников совещания взглядом, подождал, пока захлопнулась дверь.

– Ты думал, кого назначишь на место Снетко, царствие ей небесное?

Телепин почему-то ожидал, что Дерябко перекрестится, но тот только печально посмотрел на потолок.

– Нет еще, – удивился Телепин.

Ирину он искренне уважал и как спеца, и как женщину, считал выбор дяди жены вполне достойным, и ему было неприятно, что вот так сразу кто-то начинает искать выгоду от ее смерти. Впрочем, жизнь есть жизнь, Вика тоже не отложила своих проблем, несмотря на горе.

– Я хочу предложить Катю Сафонову, – наклонился к нему Дерябко.

Девушка, с которой обычно приходил к нему Дерябко, была давней ноющей головной болью. О том, что она родственница высокого чиновника, ему сразу сказал тот же Дерябко. Однако чиновник-родственник Телепину не звонил, и никто из министерства по поводу девки не звонил, и Телепин старался о ней не думать.

Думал, конечно. Держать ее в инженерах было нельзя, давать ей руководящую должность – тем более нельзя. Он делал все, чтобы научный центр работал, а не превращался в богадельню. И Телепин мечтал, чтобы девка сама поскорее перешла куда-нибудь, хоть в то же министерство.

Приходя с Дерябко, у него в кабинете девушка рта не открывала, и он, как правило, быстро переставал ее замечать.

– Она в курсе работ Снетко? – сделал вид, что удивился, Телепин.

Имел право удивиться, Ирина Сафонову ни разу не упоминала, а она любила хвалить своих подчиненных. Не зажимала их, как тот же Дерябко.

– Послушай, – поморщился зам. – Есть техническое руководство и есть административное. Она же не станет диктовать технических решений, будет отпуска распределять да компьютеры покупать. Сам же знаешь, что на это обычно времени ни у кого не хватает.

– Ладно, – кивнул Телепин. – Я подумаю.

То ли от голода, то ли еще от чего, начала противно болеть голова, Телепин сжал виски, отпустил.

– Подумай, – поднялся Дерябко. – Подумай, Коля.

У двери он задержался, хотел что-то добавить, но только мотнул головой.

Намек в последних словах был явный и неприкрытый. В свое время Дерябко поддержал кандидатуру Телепина, когда его назначали директором. Ситуация тогда для Телепина сложилась

лась крайне удачно, он только что защитил докторскую, под его руководством была выполнена работа, о которой даже упоминали в СМИ как о большом достижении российской научной мысли. Конечно, фамилия Телепина в СМИ не называлась, но все, кто был в курсе реальных дел, ее, то есть фамилию, знали.

Тогда и возникла идея создать научный центр. И тогда же выяснилось, что кроме глубоких пенсионеров возглавлять вновь созданное подразделение некому. К тому же премьер упорно говорил о необходимости смелее выдвигать молодые кадры. Телепин мог бы поспорить с премьером, в инженерном деле опыт имеет огромное значение, а инженерный опыт накапливается десятилетиями, но в данном случае кадровая политика сыграла ему на руку.

Дерябко был за кандидатуру Телепина с самого начала, и хотя решал вопрос, безусловно, не Дерябко, Иван Степанович считал Телепина собственным выдвиженцем. Впрочем, какой-то элемент истины в этом был. Если бы захотел, Дерябко мог бы подпортить Николаю карьеру, поскольку людей, от которых зависело назначение, знал давно и прочно.

Думать о Дерябко и Сафоновой было тошно. Он лично папу-Сафонова не знал, но понимал, что ссориться с ним опасно.

Телепин достал телефон, позвонил жене.

– Ну как, Викуша? – имея в виду поход к врачу, не забыл спросить он.

– Он меня успокаивал, – грустно заговорила Вика. – Говорит, что ничего страшного нет.

– Ну и отлично. У него большой опыт. – Врача Вике рекомендовал и очень нахваливал кто-то из ее знакомых.

– При любом опыте можно ошибиться, – тяжело вздохнула жена.

– Ну, давай найдем другого врача, – предложил Телепин.

– А как его найдешь? Не через интернет же...

Телепин чуть не спросил, почему нельзя найти кожную клинику через интернет, но вовремя сдержался.

– Коля, у тебя же много народу работает, ты поговори с ними.

– Обязательно, – заверил он. – Я поговорю, а ты не расстраивайся. Раз доктор тебя успокаивает, значит, сейчас ничего страшного нет. Постарайся не думать о плохом.

– Я стараюсь, – опять вздохнула Вика.

Голова разболелась всерьез. Можно было попросить секретаршу, но он, как обычно, сам заварил себе чай, спустился в уже закрытую столовую, купил два оставшихся пирожка с яблоком. Для него столовая всегда была открыта.

Нашел в интернете несколько кожных клиник, начал изучать отзывы. Через полчаса выбрал доктора, которого нахваливали больные. Конечно, отзывы могли быть написаны и самим врачом, но тут уж ничего не поделаешь. Оставалось придумать историю, как этот врач помог кому-то из знакомых.

Обычно он старался уезжать с работы попозже, когда пробки хоть немного рассасывались, но сегодня нарушил правило. Как ни странно, до дома он добрался быстро и, обнимая в прихожей Вику, почувствовал, как уходят суэта и напряжение долгого рабочего дня. Ему было хорошо с Викой. Счастье, что он ее встретил.

Бумаг в квартире было немного: документы, банковские договоры, старые фотографии. В договорах Вадим мало что понял, без интереса просмотрел фотографии и открыл Славин ноутбук.

Продвинутым компьютерным пользователем Вадим не был, но понять, что электронных адресов у дяди несколько, смог быстро. Правда, ничего интересного в электронных ящиках не оказалось, на письма от друзей-знакомых Слава успел ответить, нераскрытыми были только несколько рекламных предложений.

Захотелось есть. Вадим открыл холодильник, критически оглядел морозилку, сварилпельмени, сел с тарелкой около компьютера.

В электронных папках царил порядок. Фотографии разобраны по годам и темам, документы тоже. Он наугад открыл последние фото, на них грустила или улыбалась Ирина.

Вообще-то с племянниками Слава своих баб обычно не знакомил, он о них и не упоминал почти, познакомил только с Ириной. Вику это сразу здорово напугало, но сестра была неплохой актрисой, разговаривала с Ирой ласково и радость за дядю разыгрывала успешно.

– Мы так рады за Славу, – улыбалась Вика Ирине. – Мужчина не должен быть один, это ужасно. И мы очень рады, что у Славы такая чудесная подруга. Правда.

– Ирина – моя жена, – поправил тогда Слава.

– Слава! – не поддержала друга Ирина. – Женятся в двадцать лет, а не на шестом десятке.

Пельмени оказались вкусными, Вадим отнес пустую тарелку на кухню, вернулся к компьютеру.

– Слушай, он на ней женится, – чуть не плакала сестра, позвонив Вадиму на следующий день после знакомства.

– Его право, – буркнул тогда Вадим.

– Да она прилипла к нему только из-за его денег! – запрочитала Вика. – Ты что, не видишь? И еще разыгрывает из себя бескорыстную, замуж ей, видите ли, поздно!

Если быть совсем честным, Вадим тоже не слишком радовался возможной Славиной женитьбе. Вадим был неплохим художником, картины, которые он выставлял на интернет-аукционах, раскупались хорошо, особенно за границей. Но это были совсем не те деньги, что у Славы. Совсем не те.

– Ну почему же только из-за денег? – поддел он тогда сестру. – Слава – мужик видный, красивый.

– Она оберет его до нитки! – Вика чуть не рыдала. – Оберет до нитки и доведет до инфаркта, вот увидишь. Я таких щучек знаю...

Он не представлял, откуда сестра может знать «таких щучек». Разговор с ней тогда его жутко раздражал, и он быстро распрощался. Впрочем, его раздражали все разговоры с сестрой.

Рассматривать фотографии Ирины было неловко, словно он делал что-то постыдное, недопустимое после гибели Славы. Вадим открыл папку с документами и очень скоро понял, что самостоятельно разобраться в них не сможет.

Здесь лежали копии различных договоров за два десятка лет, копии платежных документов, еще какие-то бумаги с печатями.

Можно обратиться к Володе Осокину, тот наверняка найдет подходящего человека или сам объяснит, за что и кому Слава переводил деньги. Но этого Вадиму делать не хотелось. Не потому, что он не совсем доверял Осокину, а так, на всякий случай.

Нужно найти постороннего незаинтересованного человека.

Неожиданно и громко зазвонил городской телефон. Вадим помедлил, снял трубку.

– Ты здесь? – обиженно проговорила Вика. – Ты же сказал, что уедешь.

– Я передумал. – Меньше всего ему хотелось сейчас слышать ее голос.

– Что ты там делаешь?

– Разбираю Славины бумаги.

– Зачем?

– Послушай, Вика, – опешил он, – его убили вчера, ты забыла?

– Но... что ты хочешь найти в бумагах?

– Если ты думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя копеечку, ты ошибаешься. – Он закрыл глаза, как будто это могло помочь избавиться от ее голоса.

– Вадик, ну как ты можешь?! – Ее обида была так велика, что он уже собрался в ней утонуть. – Ну как ты можешь?.. Как я могу о тебе такое подумать?! Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты единственный на свете, кому я могу доверять.

– Ты вполне можешь доверять Николаю.

– Ты мой единственный родной человек...

– Ладно, Вика, прости, – перебил он. – Я неудачно пошутил.

Он опустил трубку стационарного «панасоника», поправил косо висящий провод.

Слава к сестре относился с юмором, его она почему-то никогда не могла вывести из себя. Впрочем, Слава умел скрывать эмоции, иначе не заграбастал бы столько денег.

Вадим задумался. Вообще-то хотя бы приблизительную сумму на Славиных счетах неплохо бы узнать. Наверное, в этом может помочь Осокин, но звонить Осокину не хотелось.

Викиному мужу тоже не хотелось звонить, но других вариантов Вадим не видел. Николай ответил сразу, шум в трубке свидетельствовал, что он в машине. Это было хорошо, Вадиму не хотелось, чтобы разговор велся при Вике.

– Коля, ты не можешь найти мне толкового бухгалтера? – спросил Вадим. – У Славы куча бумаг в электронном виде, я сам не разберусь.

Николай замялся, Вадим понимал, почему. Просьба директора всегда является неформальным приказом, а на этот счет Николай был крайне щепетилен.

– Я заплачу.

– Ясно, что заплатишь. Не уверен, но попробую, – пообещал Николай.

Вадим снова сел за компьютер, понял, что устал до оупения, сунул ноутбук в рюкзак, запер квартиру и поехал домой.

То ли от недосыпа, то ли еще от чего, его познабливало. Впрочем, это вполне объяснимо, лето в этом году стояло такое холодное, какого не помнили даже старожилы.

15 июля, среда

Смутное беспокойство опять тянуло к месту взрыва. Он понимал: ехать нельзя, опасно, трудно опознать человека, которого встретил однажды, но куда проще вспомнить того, кого встречал несколько раз. И все-таки он поехал.

Приближаться к дому не рискнул, стоял на другой стороне улицы, стараясь мысленно вновь проделать прежний путь. Улица была пуста. Немудрено, увеселительных заведений здесь нет, ночных магазинов тоже, а добропорядочная публика давно дома. К тому же сразу за домами начинается территория железнодорожной станции, обнесенная сплошным забором.

Тихо хлопнула дверь подъезда почти напротив места, где он стоял. Его не могло быть видно, он почти прилип к толстому стволу удачно растущего дерева. Щупленькая фигурка постояла на крыльце, шагнула вбок, в кусты.

Он пригнулся, незаметно отступил к чьей-то припаркованной рядом машине, свернул во двор, удаляясь от человека в кустах. Обошел квартал, выйдя к противоположной стороне дома. Почти прижимаясь к стене, начал приближаться к кустам, где еще мог находиться любитель ночных прогулок.

Из-под ног с мерзким шипением выскочила кошка, рядом бесшумно метнулась другая. Он замер, стараясь дышать неслышно. Через несколько минут знал: бабка впереди кормит кошек.

Он аккуратно и медленно отступил. Садясь в машину, понял, что чувство тревоги исчезло. Бабка могла видеть его в ту ночь, он переходил улицу как раз напротив. Ну и черт с ней, это не опасно. Во-первых, они едва ли когда-нибудь встретятся, а во-вторых, бабка – не фээсбэшник, чтобы разглядеть его ночью и запомнить с первого раза.

Телепин постарался подняться тихо, но Вику все-таки разбудил.

– Викуша, спи, – когда жена прошла за ним на кухню, уговаривал он. – Ложись и поспи еще.

– Не засну, – покачала головой Вика, уселась на кухонный диванчик, подогнув под себя ногу, и, видя, что он собрался варить кофе, обеспокоенно заговорила: – Коля, ну что ты делаешь? Хочешь испортить желудок? Завтракать нужно нормально, достань из холодильника творог. И свари себе яйцо.

– Творог не буду, – улыбнулся Телепин. Ему нравилось, что жена о нем заботится. – А яичницу сейчас сделаю. Хочешь яичницу?

– Так рано ничего не хочу. Сделай мне чаю.

Она походила на грустного котенка, он не удержался, погладил по-утреннему спутанные волосы, поцеловал макушку.

– Вадик вчера весь день разбирал Славини бумаги. – Вика благодарно кивнула, когда он поставил перед ней чашку с травяным чаем.

Телепин не ответил, она задумчиво покусала губы.

– Коля, нужен кто-то, кто во всем этом разберется.

– В чем разберется? – не понял Телепин.

Ему было приятно сидеть напротив нее, слушать забавный вздор. Жаль, что нужно уезжать.

– Во всем. Какие у Славы счета, какие акции...

– Вадим просил найти такого человека, – вспомнил Телепин.

Вика опустила чашку с чаем, нахмурилась, озабоченно побарабанила пальцами по столу.

– Вадик пытается разобраться во всем сам, но ему совершенно некогда. Ему нужно работать, а он тратит время на какую-то ерунду.

– Ему виднее. – Николай доел яичницу, вымыл тарелку, сковороду, налил себе кофе. – Не переживай за него, он давно взрослый.

– Ты же знаешь, я за всех переживаю, – вздохнула Вика, потерла виски и подняла на него глаза. – Коля, нужно обязательно найти человека! И обязательно своего!

– Что значит своего? – не понял он.

– Нужен человек, которому будешь платить ты, – твердо сказала Вика. Его забавляло, что она играет в деловую женщину. – Он должен готовить информацию для нас.

– Ну а для кого еще он может ее готовить? Присвоить чужой банковский счет практически невозможно. Славиными деньгами сможете распорядиться только вы, ты и Вадим.

– Ну как ты не понимаешь! – поморщилась Вика. – Вадика так легко обвести вокруг пальца! Он же художник, а не банкир.

Телепин сомневался, что Вадима можно легко обвести вокруг пальца, хоть он и художник, но Вика так забавно хмурила лоб, что он только улыбнулся.

– И потом, эта его Динка... Она очень темная лошадка, а он целиком под ее влиянием.

С новой подругой Вадим познакомил родственников около полугода назад, кажется, на Славин день рождения. Николаю казалось, что Дина произвела на Вику неплохое впечатление.

На Телепина Дина тоже произвела неплохое впечатление. Девушка казалась умной и скромной. Впрочем, свое впечатление Телепин постарался не показывать. Еще мама учила его, что в присутствии одной женщины нельзя хвалить другую, и он не хвалил.

– Викуша, не беспокойся, – успокоил Телепин. – Вадим не маленький мальчик. И никто не сможет помешать вам получить Славини деньги, я тебе обещаю.

– Коля! – жена испуганно на него посмотрела. – Но я беспокоюсь совсем не о деньгах! Я беспокоюсь о Вадике!

– Я понимаю, – кивнул он. – Я просто неудачно выразился. Постарайся ни о чем не беспокоиться, ладно? У тебя какие планы на сегодня? Поработаешь?

В последнее время Вика мало работала, и его это беспокоило. Он был слишком занят, чтобы уделять ей много внимания, и ему не хотелось, чтобы жена скучала.

– Ну какая работа, Коля? Славу убили и... – Она закрыла лицо руками.

– Не плачь, Викуша. – Он обнял ее, уткнулся в волосы. – Ну что же теперь делать?

Ему было очень ее жалко. Она искренне расстраивалась из-за всяких пустяков, и справиться с настоящим горем ей было трудно.

Опять шел дождь. Он добежал до машины, пригладил рукой мокрые волосы. Тренькнул телефон, пришла смс от банка, ему в который раз предлагали взять кредит. Он удалил ненужное сообщение и только теперь заметил вчерашний пропущенный вызов.

– Ты чего звонила, мам? – Телепин прижал телефон к уху, осторожно объехал припаркованную впереди ауди.

– Что-нибудь новое известно про Вячеслава? – Кажется, мать тоже ехала в машине. – Когда похороны?

– Откуда ты знаешь? – удивился он. Конечно, нужно было позвонить родителям, но он совсем замотался за последние дни.

– Вчера позвонил Вадим.

– Вадик? – еще больше удивился Телепин.

С Вячеславом и Вадимом родители виделись только однажды, на их с Викой свадьбе. Он даже не предполагал, что у шурина есть телефон его родственников.

– Вадик, – подтвердила мать и объяснила, не дожидаясь, когда он спросит: – Мы весной столкнулись с Вячеславом в театре. Он был с Ирочкой. Постояли, поговорили, потом папа пригласил их в гости. И они пришли. А потом Вячеслав пригласил нас, как раз когда Вадим принес ему в подарок картину. Ты видел, как Вадик Вячеслава изобразил? В виде средневекового рыцаря? Очень забавно.

– Ничего себе! – поразился Телепин. – А почему ты мне не говорила, что вы так тесно сдружились?

– К слову не пришлось. Да и не так уж тесно мы сдружились.

– И все-таки, – не отставал он. – Почему ты мне ничего не сказала?

– Вике это могло не понравиться, – помолчав, вздохнула мать.

– Мама, что за бред! – ахнул он. – Почему это могло не понравиться Вике?

– Ладно, Коля, неважно. – Мамин голос исчез, появился снова. – Я собиралась пригласить всех в сентябре, когда мы вернемся из отпуска. И вас, и Славу, и Вадима. Так насчет похорон ничего не известно?

– Пока нет.

– Позвони, когда узнаешь.

– Ладно.

Телепин швырнул телефон на соседнее сиденье. От разговора с матерью остался противный осадок, но он умел сосредотачиваться на делах и выбрасывать из головы все ненужные мысли.

– Вадик! – трясла Вадима за плечо Дина. – Вадик, проснись, это Осокин.

Вадим с трудом выбрался из мутного тяжелого сна. Во сне он был один в полуразрушенном городе, пробирался какими-то подвалами к неведомой и непонятной цели, знал, что отовсюду подстерегает опасность, и, к собственному ужасу, никак не мог увидеть эту опасность.

– Это Осокин. – Она совала ему трубку. – Ответишь?

– Давай. – Он нехотя повернулся на спину, сунул под голову вторую подушку, поднес телефон к уху. – Слушаю.

– Вадик, нужно заняться похоронами, – напомнил Осокин. – Если хочешь, я возьму это на себя.

– Хочу, – решил Вадим. – Спасибо.

Осокин помолчал, кажется, хотел сказать что-то еще. Не сказал, попрощался. Вадим протянул трубку Дине.

– Сколько времени?

– Десять. Вставай. – Она отнесла трубку на базу, повернулась, без улыбки посмотрела на него.

Странно, что сначала она показалась Вадиму не то чтобы некрасивой, просто какой-то малоинтересной. На свете не было женщины прекраснее Дины.

– Ты меня не бросишь? – хмуро спросил он.

– Я тебя не брошу. – Она наконец-то улыбнулась. – А ты меня? Не бросишь?

– Я тебя очень люблю, Дин.

Он никак не мог решиться написать ее портрет. Боялся не передать главного, что в ней было, – несовременного сочетания ума и доброты, скрытых за легким юмором, с которым она относилась к жизни.

Сочетание ума и доброты он разглядел в ней не сразу. Мог и вообще не разглядеть, она не афишировала ни того, ни другого.

Она присела на кровать, он повалил ее на спину, обнял, прижался губами к ямке на шее.

– Ты меня любишь?

– Очень. – Она пошевелилась, поцеловала его в висок.

Она работала стоматологом, и ее порекомендовал ему один из приятелей. Зубных врачей Вадим боялся до дрожи в коленях и отправился в клинику, только когда терпеть боль в скуле стало почти невозможно.

Врач ему решительно не понравилась, теперь он с ужасом вспоминал, что мог уйти из клиники и теперь жил бы без Динки. Она показалась ему слишком молодой, а для врача, насколько он понимал, опыт значил многое.

– Давайте я все-таки вас посмотрю. – Девушка в белом халате прочитала тогда его мысли и легко улыбнулась. – Сверлить не буду.

Кладя голову на подголовник зубоучебного кресла, он жалел потраченного времени, а потом жалеть перестал, потому что ему не хотелось отрывать взгляд от сосредоточенных серых глаз над медицинской маской.

– Вставай, – выбралась из его рук Дина. – Я пожарила отбивные.

Он неохотно вылез из постели, поплелся в ванную, потрогал рукой щетину на щеке. Бриться было лень, и он решил не бриться.

– Осокин поможет с похоронами? – Дина положила ему на тарелку аппетитно пахнущее мясо.

– Да. Еще бы кого-то найти, кто поможет со Славинными капиталами разобраться. У тебя нет таких знакомых?

– Не беспокойся, Вика найдет. – Она намазала булочку медом, откусила кусочек, потрясла головой от удовольствия.

– Ты о ней высокого мнения, – усмехнулся Вадим. – Ты просто не знаешь, она самая умная и способна во всем разобраться лично.

– Вот увидишь, она найдет адвоката. Или двух. Вика точно знает, как не упустить своего. У нее интуиция на это дело.

– Знаешь, – Вадим отодвинул пустую тарелку, поблагодарил кивком головы, – я жутко боюсь, что Колька в конце концов ее разглядит и сбежит, и мне придется с ней возиться.

– Не бойся, – успокоила Дина. – Не разглядит и не сбежит. Она очень ловко им управляет. Скоро он начнет называть черное белым и свято в это верить. Вот увидишь.

Дина поставила перед ним чашку с чаем, он принялся отсчитывать обычные четыре ложки сахара.

– Ты помнишь Колину маму? – размешав вредный для здоровья продукт, спросил Вадим. – Они с мужем приходили к Славе, когда я ему наш старый двор принес.

Старый двор, в котором когда-то жила бабушка, Вадим помнил и плохо, и отчетливо. Долго не мог рискнуть воспроизвести детские воспоминания, а картина получилась хорошая, он написал ее за несколько дней и сразу отнес Славе. Картина дяде очень понравилась, она и Вадиму нравилась.

– Конечно, помню, – кивнула Дина. – Хорошая тетка, веселая такая.

– Угу. Я вчера ей позвонил, нашел у Славы телефон. Я припоминаю, вроде бы у них со Славой были какие-то общие знакомые. Что-то такое они тогда обсуждали.

– Этого я не помню. А зачем тебе их общие знакомые?

– Так, – не стал объяснять он. – Короче, я вчера ей позвонил. Так, оказывается, она ничего про Славу не знала, Коля ей не позвонил.

– Ну вот видишь! – кивнула Дина. – Он помнит только о Вике и больше ни о ком. Так нашлись общие знакомые?

– Нет, – с сожалением признался Вадим. – Они, оказывается, учились в одном институте и на одном факультете, но в разные годы.

Дина выглянула в окно, посмотрела на висящий за стеклом градусник. Через минуту появилась в брючках из какой-то мятой ткани и клетчатой блузке, похожей на мужскую рубашку. Чмокнула Вадима в затылок, ласково провела рукой по его шее. Хлопнула дверь, Вадим тяжело вздохнул. Он не любил оставаться без Дины.

Не надеясь почерпнуть из Славиного ноутбука что-то новое, он все-таки его открыл. Повезло, в одном из почтовых ящичков обнаружилось новое письмо, оно пришло только что, минут пять назад. Некая Нина напоминала, что у какого-то Сережи в субботу день рождения и все очень, очень ждут Славика.

Номера телефона Нина не оставила. Вадим, уговаривая себя, что никакой полезной информации от Нины не получит, и вместе с тем, отчего-то заволновавшись, стал быстро просматривать все ее письма. Писем было немного, в основном поздравления с праздниками, на которые Слава послушно и вежливо отвечал. Телефона не было ни в одном из писем.

И опять ему повезло, на «рабочем столе» компьютера нашелся простой текстовый файл, в котором оказалась бессистемно составленная записная книжка.

Нина в списке абонентов оказалась только одна. Вадим набрал номер.

– Здравствуйте, – стараясь скрыть волнение, заговорил Вадим, когда ему ответил женский голос. – Вы только что написали Левицкому Вячеславу Аркадьевичу.

– Да, – удивилась женщина. – А что?..

– Я его племянник. Пожалуйста, поговорите со мной.

– Я с вами уже разговариваю, – справедливо заметила Нина. – Что случилось?

– Слава погиб.

Она молчала. Вадим слышал, как она дышит.

– Пожалуйста, поговорите со мной.

– Когда это случилось?

– Давайте встретимся. – Он понимал, что женщина едва ли сообщит ему что-то дельное, но почему-то очень хотел ее увидеть.

– Давайте, – согласилась она. – Где?

Он назвал кафе недалеко от памятника Чайковскому и время – через два часа. Женщина не возражала.

В кафе Вадим был только однажды, но оно ему понравилось. Динка как-то затащила в консерваторию, он дико тосковал весь вечер от заунывной музыки, от которой она балдела,

потом пошли пешком до метро и по дороге забрели в это самое кафе. Кормили там вкусно и обильно, кресла были удобные, и это тогда отчасти примирило его с мыслями о потерянном вечере.

Дина, умница, больше о консерватории не заговаривала.

Вадим снова потрогал щетину на лице и отправился в ванную. Перед встречей с теткой побриться было необходимо.

– Держи. – Максим положил перед Дашей книгу с синусоидой на обложке.

– Что это? – удивилась Даша. Начальник на ее памяти ни разу не держал в руках бумажной книги.

– Моя монография.

– Ой! – ахнула Даша. – Ты книгу написал, да?

– Да, – хмуро подтвердил он.

– И ее напечатали, да?

– И ее напечатали за мои денежки, – усмехнулся Максим и признался: – Я хочу докторскую защитить. Монография нужна, я и напечатал.

– Поздравляю. – Даша раскрыла книгу, прочитала нехитрую надпись: «Дарье от автора». Максим ушел к себе, она полистала книгу, вернулась к прерванной работе.

Примчалась откуда-то Света, заинтересовалась Максимовым подарком.

– Он защищаться собирается, – сообщила Даша.

– Знаю, – кивнула подруга. – Они с Ириной, царствие небесное, про это говорили, девчонки слышали. Они вообще-то часто ругались, Максим с Ириной.

– Странно, – удивилась Даша. – Я думала, Максим ни с кем не ругается, он всегда спокойный такой. И Ирина тоже. Была.

– Ну да! – фыркнула Света. – Это они с нами не ругаются, мы для них никто. Зачем на нас нервы-то тратить? А друг у друга кусок изо рта вырвать – милое дело. У нас же с Ирининым отделом тематики схожие. Глотки, конечно, не дерут, не на рынке, по-тихому сражаются.

Светины слова удивили. Даша много раз видела, как дружелюбно разговаривали Максим и Ирина. Максим даже помогал Ирине выбирать новую машину, Даша слышала их разговор, стоя у лифта.

Делать работу, которую поручил ей Максим, было интересно. Это походило на головоломки, которые она очень любила в детстве, Даша увлеклась и не заметила, что снова засиделась допоздна. Не как накануне, конечно, но здание, когда она шла к туалету и обратно, уже казалось вымершим, только комнату бывшего Ирининового отдела запирала озабоченная тетка с двумя пластиковыми пакетами в руках. Даша вежливо попрощалась, женщина рассеянно кивнула.

Даша выключила компьютер, сунула в сумку телефон, весь день лежавший на столе рядом с клавиатурой компьютера, спустилась на лифте вниз и уже у выхода, доставая пластиковый пропуск, вспомнила, что забыла скинуть сегодняшние результаты на сервер, как того неукоснительно требовал Максим.

Возвращаться не хотелось, она потопталась в пустом холле, но ответственность переселила, и Даша снова вернулась к лифтам.

Комната оказалась заперта, помимо кодового замка, на ключ, значит, Максим тоже успел уйти. Она порылась в сумке, нашарила ключи, отперла замки. Свет тоже оказался выключенным, но в летних сумерках наткнуться на мебель было невозможно, и включать свет Даша не стала. Подошла к своему столу, опять включила компьютер. Подарок Максима одиноко лежал на столе, Даша сунула книгу в сумку.

Чтобы выйти на сервер, открыла список подключенных к сети компьютеров. Как правило, список был огромным, сейчас же включенных компьютеров осталось совсем мало. Даша

поискала компьютер Максима и не нашла. Правильно, начальник уже ушел. Она не заметила бы, что включен компьютер Ирины Сергеевны Снетко, если бы новая строка с фамилией Снетко не появилась в списке как раз тогда, когда Даша его, то есть список, просматривала.

Вообще-то Даша себя любопытной не считала, но сейчас что-то заставило ее выскочить в коридор, стараясь не щелкнуть кодовым замком на двери, и спрятаться за поворотом коридора. Ждать пришлось долго, минут десять. Даша осторожно вытягивала голову, осматривала пустой коридор, опять пряталась.

Тихо закрылась дверь, Даша замерла. Послышался шорох. Она опять выглянула в коридор и отпрянула. Дверь бывшей Ириной комнаты запирает Максим.

Хорошо, что ее никто не видит, решили бы, что она спятила.

Она приготовилась сбежать вниз по лестнице, если Максим надумает вернуться в свой кабинет, потому что объяснить, какого черта она прячется по углам, совершенно невозможно. Повезло, начальник направился прямо к лифтам. Даша, выглянув вслед затихающим шагам, увидела его уже сворачивающим к лифтовой площадке.

Она вернулась к надоевшему компьютеру, как того требовали правила, переписала все что нужно на сервер и наконец-то вышла из здания.

К счастью, дождя не было. Только холодный ветер дул прямо в лицо, перепутав июль с сентябрем.

Народу в кафе было немного. Вадим заглянул внутрь – две дамы средних лет оживленно что-то обсуждали, наклоняясь друг к другу, да совсем молодая пара в углу потягивала коктейли.

Он вышел на крыльцо, закурил и почти сразу столкнулся глазами с появившейся из-за угла женщиной. Дама была хороша, он оценил это мгновенно. Одних лет со Славой, стройная, с прекрасными волосами до плеч и незакрашенной сединой, которой, впрочем, было немного, с огромными голубыми глазами на лице, в котором явно присутствовало что-то восточное.

По голосу он представлял ее совсем другой. Попроще.

– Простите, вы Нина? – Вадим спрятал сигарету за спину, смутился от внезапной собственной робости и метнул сигарету в урну.

Женщина молча кивнула, внимательно его разглядывая.

– Меня зовут Вадим.

Она опять кивнула и первой потянулась к двери, которую он все-таки успел перед ней открыть.

Он ожидал, что она закажет легкий салатик, но дама попросила чай покрепче и весьма калорийное пирожное.

– Что случилось со Славой? – наконец спросила она, не глядя на Вадима.

На шее и руках дамы золота было килограмма полтора, но почему-то это не выглядело дурным вкусом, а казалось только ей принадлежащим особым тонким стилем.

– Взорвали его машину. В понедельник утром.

Она несколько раз покивала головой, как будто именно это и предполагала.

– Вы вместе учились? – Тетка была хороша, но пришел он сюда все-таки не ее разглядывать.

– Слава учился вместе с моим мужем, – вздохнула женщина и уточнила: – Вместе с моим первым мужем.

Она опять вздохнула, и Вадим внезапно понял, что дама не только красива, но и умна.

– Я знала Славика с институтских лет. Ну как знала... В молодости встречались часто, потом по несколько раз в году, потом по разу в несколько лет. Что вы хотите от меня узнать? – Дама подняла на него глаза.

Вадим пожал плечами. Он и сам не знал, что именно его интересует.

– У нас была самая обычная студенческая компания. Иногда выпивали лишнего, но никаких наркотиков, никакой уголовщины. Если вы ищете след убийства в прошлом, я едва ли смогу вам помочь. – Она еле заметно грустно усмехнулась и посоветовала: – Ищите убийцу в настоящем. Сейчас убивают только за деньги.

Зря он затеял эту встречу. Дама вспоминала Славу, не сообщив ему ничего интересного. Наконец она доела пирожное, взяла на колени лежавшую до этого на специальной подставке сумочку.

– Хотите, я напишу ваш портрет? – остановил ее Вадим. – Я художник.

– Я подумаю, – серьезно ответила она, поднимаясь.

Помедлила, порылась в сумке и протянула ему визитку.

– Звоните, если понадобится моя помощь. И обязательно сообщите, когда похороны.

Вадим послушно кивнул – сообщу, расплатился с официантом и опять поехал в Славину квартиру.

В прошлый раз он осмотрел квартиру быстро, наспех. Теперь начал обследовать планомерно. Выдвигал по очереди ящики письменного стола, внимательно изучал каждую бумажку. Юношеские фотографии нашел ссыпанными в одном из ящиков. Кроме молодого Славы и Нины, которая, как ни странно, в молодости казалась куда менее интересной, никого не узнал. Пару раз мелькала мать, но эти фотки он почему-то сразу отбрасывал.

Что его заставило приподнять плотную бумагу, накрывавшую дно ящика, он так и не понял. Он даже не сразу разобрал, что это бумага, поскольку по цвету она почти не отличалась от стенок ящика. Пластмассовый уголок с вложенным в него листком бумаги он тоже заметил не сразу, уголок был прижат к дальней стенке выдвижного ящика.

Он несколько раз прочитал слегка потускневший текст – как следовало из даты, над которой синела круглая печать, листу было около десяти лет. Всего печатей было три, Вадим зачем-то внимательно разглядел каждую.

Бумага сообщала, что некто Митяев Олег Константинович никак не мог быть сыном Левицкого Вячеслава Аркадьевича.

Вадим опять вложил экспертное заключение в пластмассовый уголок, сунул себе в рюкзак.

Признаться было стыдно, но он струхнул, представив, что у Славы может найтись другой законный наследник. Вадим никогда не ставил себе целью сильно обогатиться, он даже почти не думал о деньгах. И все-таки не получить своей доли было бы для него большим ударом.

Он бросил рюкзак на пол, походил по комнате, круто поворачиваясь у окна и у двери.

– Славику так не везло в жизни, – вздыхала мать. – Ему всю жизнь попадались такие ...

Мать не стеснялась в выражениях ни при Вадиме, ни при Вике. Интересно, подумал он, Вика тоже использует для образности непечатные словечки? Она многое взяла от матери.

Вадиму было трудно считать дядю-миллионера совсем несчастным, но мать так сильно сокрушалась, что некому проследить за Славиным питанием, Славиной одеждой и Славиным здоровьем, что выглядело это полным идиотизмом, а в идиотские разговоры он никогда не вступал.

Зазвонил городской телефон. Вадим снял трубку и услышал голос сестры:

– Вадик, ты там?

– Там, – подтвердил он.

– Что ты там делаешь?

– Ничего не делаю. Вика, чего ты хочешь?

– Ты нашел что-нибудь важное?

– Нет, – соврал он.

– Ты обедал сегодня? – заволновалась сестра. – Если хочешь, я пришлю Оксану, она тебя покормит.

Он не стал спрашивать, кто такая Оксана. Наверное, уборщица из фирмы, услугами которой пользуется сестра.

– Так ты обедал?

Если бы он не знал сестру так хорошо, как знал, точно решил бы, что она за него волнуется. Но он слишком хорошо ее знал: ее волновал только один человек – она сама.

– Извини, Вика, у меня мобильный звонит, – опять соврал он, не стал ждать, что она ответит, положил трубку.

Нужно было срочно уходить, она вполне может приехать, проверить, чем он тут занимается.

Он запирает дверь, когда позвонил Осокин. Предложил похороны на пятницу, Вадим не возражал.

Холодного ветра, который давно мучил город, в колодце двора почти не было. Вечернее солнце отражалось в стеклах домов. Он ненадолго замер, подумав, что хорошо бы написать такой старый московский двор, пока его еще совсем не уничтожила современная архитектура, вздохнул и шагнул к своей машине.

Максима Садовникова Телепин собирался вызвать с утра, но закрутился, пришлось поехать в министерство, и позвонил он Садовникову только под вечер.

С подчиненными Николай всегда держался демократично, не специально, это получалось само собой, и таким стилем он втайне гордился.

– Здравсте, – хмуро буркнул Садовников, усаживаясь напротив директора.

– Привет, – кивнул Телепин.

О ходе работ Максим начал рассказывать, не дожидаясь, когда директор спросит, говорил кратко и не упустил ничего. Редкое свойство, Николай не мог этого не оценить.

– Подожди, – задержал его Телепин, когда Максим собрался подняться. – Ты с Сафоновой работал?

Максим кивнул, не глядя на Телепина. Знает, понял Николай. Знает, что рассматривают кандидатуру Сафоновой. Каким образом любая тайна в этих стенах перестает быть тайной, всегда было загадкой для Телепина.

– Ну и как она тебе?

– Дура, – равнодушно пожал плечами Максим.

Черт с ними, и с Дерябко, и папой-Сафоновым, окончательно решил Телепин. Ликвидирую отдел Снетко и отдам людей под Садовникова.

Максим опять сделал движение, собираясь подняться, и Телепин опять его задержал:

– Ты увольняться не собираешься?

– Если Сафоновой дадут отдел, точно уволюсь, – серьезно ответил Максим.

– Ей не дадут отдел, – пообещал Телепин. – Отдел будет один. Твой. Будешь работать?

Максим помедлил и честно сказал:

– Не знаю. Я хочу защититься.

– Все, что от нас требуется, получишь, – заверил Телепин. – А потом? Останешься?

– Не знаю, – опять не стал врать парень. Телепин с грустью подумал, что почти отвык от честных ответов. – Мне семью кормить надо.

– Ладно, иди, – вздохнул Телепин.

За Максимом почти неслышно закрылась дверь, Телепин несколько секунд тупо на нее смотрел.

Садовников уволится, если ему где-нибудь предложат по-настоящему хорошие деньги, и осуждать его за это ни у кого не повернется язык. Собственно, предложить могут только за границей, по нашим меркам, у Максима и сейчас зарплата неплохая.

Думать об этом было неприятно. Телепин посмотрел на часы, понял, что устал за суматошный день, и решил ехать домой. Все равно голова уже не варит.

В машине включил новостной канал радио и под приятный женский голос выехал со служебной стоянки.

Он тоже на месте Максима уволился бы, если бы этого требовали интересы семьи. Он бы не допустил, чтобы Вика хоть в чем-то себя ограничивала. Просто ему, Телепину, повезло, его зарплата позволяет удовлетворить любые запросы. Если под любыми понимать запросы обычных граждан, конечно. А не коллекции эксклюзивных часов, например.

Ему очень повезло в жизни: Вика никогда не стремилась к большим деньгам. Она вообще узнала о том, что он директор большого научного центра, когда их роман шел уже полным ходом.

– Я хочу купить тебе кольцо, – пять лет назад шепнул Вике Телепин.

– Но... – Вика тогда покраснела от смущения. Они сидели в каком-то кафе, и ее лицо казалось мраморным. – Понимаешь, мой камень бриллиант, а это очень дорого.

Он тогда не понял, что слова «мой камень» означают, что по гороскопу бриллианты должны приносить Вике счастье. Это она потом ему объяснила.

– Это недорого, – улыбаясь, заверил он Вику. – Нам с тобой по средствам покупать тебе бриллианты.

– Коля. – Она смутилась еще больше, положила ладонь ему на руку. – А... кем ты работаешь?

Он и рассказал. И видел, как Вика смотрит на него с восхищением и почему-то с испугом.

– Что-то не так? – нахмурился он тогда. – Тебе не нравится, что я директор центра?

Она отняла ладонь от его руки, опустила голову, вздохнула и только потом подняла на него грустные глаза.

– Ты меня разлюбишь, – печально сказала Вика. – У тебя там полно женщин.

– У меня там полно женщин, – засмеялся он, не понимая, как такой бред мог прийти ей в голову. – Но я никогда тебя не разлюблю. Мне нужна только ты.

Кольцо они купили в тот же вечер. Кольцо было дорогое, он даже не знал, что желтый ободок с камешком может стоять как не самая плохая машина. Ему не было жалко денег, он только переживал, что Вика чувствует себя виноватой. Он все прекрасно понимал, она художница, она умеет ценить красоту.

– Я не хочу, чтобы моя жена носила дешевку, – шепнул он, когда Вика в очередной раз спросила, не слишком ли она его разорит. – Ты ведь будешь моей женой?

Заявление в загс они подали на следующий день.

Зазвонил брошенный на соседнее сиденье телефон. Вадим сообщил, что похороны будут в пятницу.

Телепину повезло, машину он припарковал прямо рядом с подъездом.

– Коленька, я так соскучилась! – выбежав в прихожую, прошептала Вика.

– И я, – обнимая ее, признался Телепин.

Опять зазвонил телефон. Николай выпустил жену, поморщился – номер на экране высветился незнакомый, ответил.

Звонила секретарша, похороны Ирины Снетко назначены на субботу.

– Родственники просят сказать, сколько от нас будет человек, – объяснила секретарь. – Вы пойдете, Николай Александрович?

– Конечно, пойду, – недовольно ответил Телепин.

– С работы? – угадала Вика, когда он положил телефон на тумбочку.

– В субботу похороны Ирины.

Он повесил брюки в шкаф, сунул рубашку в стиральную машину. Вспомнил, что пора отнести грязные рубашки в прачечную. Постирать рубашки можно и в машине, но отгладить их так, как гладят в прачечной, не удастся.

– Ты пойдешь на похороны Ирины? – Вика следовала за ним по пятам.

– Я не могу не пойти, Викуша. – Он заметил, как напряглась жена, прижал ее к себе, поцеловал, отпустил. – Ирина – не рядовой сотрудник, а я директор.

– Но...

– Я ненадолго, – пообещал он. – Произнесу два слова и уйду.

– Я тоже пойду, – подумав, решила Вика.

– Я думаю, это правильно, – согласился Телепин. – Слава ее любил.

– Любил, – грустно подтвердила Вика, повернулась, пошла на кухню. – Он ее любил, а она его использовала.

– Давай не будем об этом, – предложил он. – Бог с ними.

В мойке стояла только чашка. Он подошел, вымыл ее, сунул в сушилку.

– Ты что, не обедала?

– Аппетита нет. – Вика села за стол, машинально погладила скатерть.

– Так нельзя, Викуша, – строго сказал Телепин. – Если ты заболеешь, никому от этого лучше не станет.

Он заглянул в холодильник, пооткрывал крышки стоящих на полках кастрюль. Готовила еду соседка, готовила хорошо, по его меркам, так просто отлично. И при этом совсем не беспокоила Вику, стряпала на собственной кухне и приносила дважды в неделю уже готовую еду.

Телепин поставил на плиту кастрюлю с супом, сунул в микроволновку контейнер с мясом.

– Да, – вспомнил он, – звонил Вадим, Славу хоронят в пятницу.

Вика резко поднялась, отошла к окну, сунула лицо в ладони. Он обнял ее сзади, поцеловал затылок.

– Почему Вадик позвонил тебе? – Вика повернулась к нему, заглянула в глаза.

– Не знаю, – снова обнимая жену, отмахнулся Телепин. – Какая разница.

– Я для него уже никто.

– Ну перестань. – Викины волосы щекотали щеку, он пригладил их ладонью.

– Я для родного брата – никто! – Вика отвела его руки, опять села за стол. – Мне можно даже не сказать, когда хоронят нашего дядю.

– Перестань, Викуша, не обращай внимания.

– Я и стараюсь не обращать, – кивнула она.

Телепин разлил суп по тарелкам, достал салфетки, хлеб.

Нужно обязательно сказать Вадиму, чтобы бережнее относился к сестре.

А еще нужно выбрать недельку и свозить ее на море. Смерть родственников – тяжелое испытание даже для мужчин, он должен сделать все, чтобы она поскорее оправилась от горя.

Вика заснула. Телепин вышел на балкон, закурил. Вспомнил, что забыл позвонить родителям насчет похорон, но это вполне может подождать до завтра.

16 июля, четверг

Вика проснулась рано, едва Телепин протянул руку, чтобы выключить будильник.

– Спи, – улыбнулся он, ласково погладив ее по щеке. – Спи. Рано еще.

– Коленька, – Вика прижалась к его ладони, – нужно позвонить твоим родителям. Они вряд ли пойдут на похороны, но позвонить надо.

– Ладно, позвоню.

Родители относились к Вике с большой настороженностью, и его это злило. Конечно, кроме него, этого никто не замечал, родители вели себя с Викой исключительно вежливо, но он их отношение чувствовал. Нужно сказать им, что Вика думает о них больше его самого.

Он опять погладил жену, наклонился, поцеловал. Поплелся на кухню, поставил чайник.

Вика появилась за его спиной бесшумно, села в уголок, с улыбкой наблюдая, как он возится у плиты.

– Поспи еще.

– Не хочу.

– Яичницу будешь?

– Буду, – подумав, согласилась Вика.

Телепин по привычке протянул руку к радиоприемнику, он любил слушать по утрам новости и комментарии, но тут же руку отдернул – Вику раздражал любой шум.

– Ты слушай, Коля, – заметила она его движение. – Слушай, я потерплю.

– Да ну, – махнул он рукой. – В машине послушаю.

Вика нахмурилась, задумавшись о чем-то. Он поставил перед ней тарелку, подвинул масло, хлеб.

– Коля, – повертев вилку, Вика подняла на него глаза, – твоя мама ведь работала какое-то время в аудиторской фирме?

– Работала, – удивился он.

Черт возьми, насколько же не правы родители в своем отношении к Вике! Они и его ухитрились заразить сомнениями, что она внимательно относится к новым родственникам. А она помнит даже такую мелочь, как то, что мать работала в аудиторской компании.

– Как ты думаешь, она согласится нам помочь?

– В чем? – не понял он.

– Она согласится разобраться в Славиных делах?

– Не знаю, – задумался Телепин. – Она же работает...

– Понимаешь, – заволновавшись, Вика наклонилась к нему через стол. – Нужно, чтобы этим занимался свой человек. Все-таки у Славы были большие деньги.

– Понимаю, – кивнул он. – Я попробую с ней поговорить.

– И еще. – Вика наконец принялась за яичницу. – Твоя мама что-то такое говорила про одну свою подругу... Вроде бы у подруги муж – врач-дерматолог. Ты спроси, все-таки мне стоит еще раз показаться хорошему врачу.

– Спрошу. Обязательно.

Телепин вымыл посуду, поцеловал Вику, обняв вместе со стулом, посмотрел на часы – он любил приезжать на работу строго к девяти.

На улице ярко светило солнце, но ветер дул холодный, северный. Телепин всегда крайне скептически относился к страхам всемирного потепления и недоумевал, отчего люди верят в такую чушь, а сейчас подумал, что готов всерьез опасаться нового ледникового периода.

Городской телефон зазвонил, когда он отпирал дверь кабинета.

– Да! – успел снять трубку Телепин.

Звонил недавно назначенный новый начальник департамента из министерства. Звонок удивил. Телепин был знаком с новым начальником шапочно, департамент курировал работу других направлений.

– Как дела, Николай Александрович? – равнодушно поинтересовался министерский.

– Работаем, – скупно отчитался Телепин.

Человек на другом конце провода вздохнул, помедлил.

– Ты что же это молодые кадры затираешь? Нехорошо.

Собеседник говорил шутя, но у Телепина противно стянуло в груди. Кто сейчас задействует свои связи, папа-Сафонов или Дерябко?

Связи у Дерябко были обширные, Иван Степанович проработал в отрасли всю жизнь, всех знал, со всеми был в приятелях. У зама был природный талант со всеми поддерживать дружеские отношения, у Телепина так не получалось. Впрочем, он к этому и не стремился.

К чести Дерябко будь сказано, дружески он относился ко всем, не только к вышестоящим. Телепин однажды слышал, как он расспрашивал про больного ребенка уборщицу и совершенно искренне сопереживал.

Его обязательно назначили бы директором, если бы он не был абсолютно никаким ученым. Настолько бездарным, что это было просто невозможно скрыть.

– Не понял, – постарался добавить в голос недоумения Телепин.

– Да брось ты, – тяжело не поверила трубка. – Давить на тебя я не хочу и не буду. Да и права не имею. Но своим надо помогать, Коля. Это я тебе советую, как старший товарищ. Тебе ведь тоже в свое время помогли.

– Я подумаю, – не сказал Телепин ни «да», ни «нет».

После разговора сделалось совсем противно. Захотелось вновь запереть кабинет и поехать домой, к Вике.

Он никогда не сможет себя уважать, если даст Сафоновой отдел.

Телепин открыл принесенную секретарем папку с бумагами, ждущими его подписи. Отодвинул, достал из кармана телефон.

– Мам, похороны завтра, – доложил, когда мать ответила. – Вы пойдете?

– Обязательно.

– Да, и еще. Нужно разобраться со Славинскими делами. Ну, ты понимаешь...

– Понимаю, – согласилась Валерия Антоновна.

– Ты не могла бы сама этим заняться?

– Сама точно не смогу. Я работаю полный рабочий день.

– Возьми за свой счет, – предложил Телепин. – А я тебе компенсирую.

– Коля, ты же знаешь, – с тоской произнесла мать. – Если тебе действительно нужна будет помощь, я сделаю все, что смогу, бесплатно.

– Мне сейчас нужна помощь, – разозлился Телепин.

– Сейчас я не могу взять за свой счет. У меня много работы, и я буду заниматься своей работой. Я никогда никого не подводила и подводить не собираюсь. – Мать тоже умела быть твердой. – Если хочешь, я попробую кого-нибудь найти.

– Ладно, – согласился он. – Поищи.

– До завтра, Коля.

– Подожди, – вспомнил Телепин. – Вика говорила, что у какой-то твоей подружки муж – врач-дерматолог.

– Да, – озадаченно подтвердила Валерия Антоновна.

– Организуй, чтобы он посмотрел Вику.

– Попробую. А что с ней? – Мать спросила равнодушно, ему это не понравилось.

– Мне кажется, что ничего страшного, но пусть врач посмотрит.

По подоконнику забарабанил дождь. Телепин посмотрел на успевшее стать серым небо, подвинул к себе папку с бумагами и стал внимательно их читать.

– Ты точно сможешь завтра освободиться? – Вадим допил кофе и отодвинул чашку.

– Конечно, – удивилась Дина.

Кажется, она даже обиделась, что он допускает ее отсутствие на похоронах. Впрочем, он не всегда понимал, когда и на что она обижается.

– Дин, – неожиданно и не к месту спросил он то, что очень его волновало, – если я решу поехать за границу, ты поедешь со мной?

– Поеду, – сразу ответила она. Взяла его чашку, сунула в посудомойку.

– А как же твоя работа?

– Брошу, – пожалала она плечами.

Все-таки он плохо ее понимал. Не так давно он предложил ей отдохнуть недельку где-нибудь на море, а она отказалась. Она тогда напомнила, что работает, и вроде бы даже обиделась.

– А замуж за меня ты выйдешь?

– Выйду.

Она подошла к нему, и Вадим обнял ее за ноги.

Он понял, что любит ее, внезапно и как-то неожиданно. Была зима, теплая, больше похожая не то на затянувшуюся осень, не то на раннюю весну. Они договорились встретиться в центре, Вадим терпеливо ждал ее в кафе, думал о какой-то ерунде, потягивал вино. Забеспокоился он сразу и очень сильно, когда заметил, что Дина опаздывает больше чем на полчаса.

Она никогда не опаздывала.

Он начал непрерывно ей звонить и слушал, что абонент недоступен, и ему казалось, что он сейчас умрет. Умрет, если она немедленно перед ним не появится. До этого ему казалось, что они просто приятно проводят время.

Она ответила неожиданно, он почти не верил, что снова слышит Динкин голос. Голос было слышно плохо, он понял только, что она застряла в метро и что скоро будет.

– Какого черта? – зашипел он, когда она наконец вбежала в кафе. – Предупредить не могла?

Динка оправдывалась, объясняла, что поезд почему-то долго стоял в тоннеле, а он злился и очень жалел себя. А потом сказал ей:

– Я хочу, чтобы ты была моей женой.

Она молча покачала головой – нет.

– Почему? – спросил он тогда.

Она опять не ответила, погладила его по руке.

– Почему, Дина?

– Потому что ты можешь передумать, – вздохнула она и отпила вина из его рюмки.

– Не болтай ерунду! – устало возмутился он. – Я не передумаю.

– Значит, когда-нибудь мы поженимся, – улыбнулась она.

Из кафе они поехали к нему домой, и больше он никогда не ночевал без Дины.

За исключением недавней ночи, когда заснул в Славиной квартире.

– Я пошла. – Дина наклонилась, погладила его по небритой щеке, поцеловала. – Пока.

– Пока.

Он закрыл за Диной дверь, повернул вертушку замка. Достал из рюкзака заключение генетической экспертизы и в который раз принялся его рассматривать. Получалось, что Митяев Олег Константинович на пять лет моложе самого Вадима. Олег Константинович родился, когда Слава только-только окончил институт.

Нужно немедленно звонить обворожительной Нине.

Он не успел достать телефон из кармана джинсов, как зазвонил городской.

– Вадик, ты дома? – печально спросила Вика.

– Дома, – подтвердил он.

– Ты завтракал?

– Завтракал. – Господи, до чего же она его раздражала. – Ты сомневаешься, что мне хватает на еду, и хочешь одолжить копеечку?

– Я просто о тебе беспокоюсь. Почему ты так меня не любишь?

– Я тебя люблю, Вика. – Конечно, он ее любит, иначе давно послал бы куда подальше.

– Не представляю, как я выдержу завтрашние...

– Похороны, – подсказал он. – Сомневаешься, что выдержишь, не ходи.

– Вадик! – Кажется, она заплакала. – Ну как ты можешь так говорить!..

– Вика, ты чего звонишь?

– Я больше не имею права узнать, как твои дела? – Она точно заплакала, Вадим поморщился.

– Нормально у меня дела. – Если нормальным можно считать, что убили Славу, а он не представляет, кто и за что.

– Ты поедешь сегодня к Славе?

– Не знаю. Ты тоже хочешь к нему поехать?

– Одна не хочу. Мне это тяжело.

– Если соберусь поехать, позвоню.

Он положил трубку, постоял, отправился за сотовым. Нина ответила сразу, как будто держала телефон в руках.

– Похороны завтра. – Вадим объяснил, куда и во сколько нужно приехать.

– Я приду обязательно, – заверила она. – И еще человек пять будет точно.

– Нина, в вашей компании был кто-нибудь по фамилии Митяев? – он отчего-то сильно заволновался, и это раздражало. – Или Митяева.

– Митяев?.. – она задумалась, вздохнула. – Не помню.

– А по имени Константин?

– Тоже не помню. Эти ребята ведь были из группы моего мужа, не из моей.

– Я помню, – кивнул Вадим. – Вы говорили.

– Если хотите, я поспрашиваю у ребят.

– Хочу, – подтвердил он. – Очень хочу. Нина, а девушка у Славы была в то время? Он за кем-нибудь ухаживал?

– По-моему, нет. Это тоже узнать?

– Если можно.

Она не спросила, зачем ему такие подробности, и от этого почему-то показалась ему близкой, словно он знал ее всю жизнь.

На свете было немного людей, которые казались ему близкими. Пожалуй, только Слава и Дина. И еще, наверное, Николай.

Неожиданно ему ужасно захотелось узнать, была ли у Славы девушка в то время. Просто так захотелось, безотносительно к генетической экспертизе. Была ли у Славы девушка, любили ли они друг друга и почему расстались.

У самого Вадима в студенческие годы постоянной девушки не было, только случайные, и его это вполне устраивало.

У него и потом были только случайные женщины, и это тоже его устраивало. А почему нет?

Неслучайной стала только Динка.

Неожиданно он пожалел, что не рассказал ей о генетической экспертизе. Набрал ее номер – она не ответила. У нее больной.

День впереди казался унылым, бесконечным. Вадим нехотя побрился и поехал в студию, работать.

Утром Максима на месте опять не оказалось. Впрочем, это неудивительно, если он намерен вскоре защищать диссертацию, хлопот должно быть много.

Даша поболтала со Светой, еще раз просмотрела выполненную накануне серию опытов, принялась делать работу, которую терпеть не могла – описывать выполненные опыты, и поняла, что необходимо посоветоваться с Максимом. Результаты получились странные, объяснить эти странности сама Даша не смогла.

Больше делать было нечего. Она почитала в интернете новости, разложила компьютерный пасьянс и принялась от скуки листать подаренную монографию, которую продолжала тас-

кать в сумке. Не получится из нее ученого, равнодушно отметила Даша, изучать монографию было скучно.

Максим выдвигал стройную теорию, уверенно подтверждал ее опытами, часть из которых делала сама Даша. Она заглянула в список литературы – так и есть, статья с ее фамилией в списке авторов приведена. Статью Даша, конечно, не писала, писал Максим, она только обрабатывала данные, даже, если честно, не слишком в них вникая. Максим вполне мог не включать ее в список авторов, но он включил, доставив тем самым Даше несказанное удовольствие.

Часть опытов, описанных в монографии, делала Даша, часть кто-то еще до нее, но явно под руководством Максима, потому что стиль представления данных был явно его, в этом Даша ошибиться не могла, она работала с ним почти три года. Последняя же глава, по результатам которой он делал свои главные заключения, была выполнена совсем в другом стиле. Даша опять заглянула в список литературы – ссылок по последней главе не оказалось.

Даша отодвинула Максимов подарок, опять с тихим шорохом разложила по экрану колоду карт, но сосредоточиться на компьютерной игре не смогла. Начала искать в папках на сервере опыты, которые Максим привел в последней главе монографии, но не нашла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.